

Прибыльцова Елена
Украденное счастье

16+

Елена Прибыльцова

Украденное счастье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50287111

SelfPub; 2020

Аннотация

Юная Элиза де Фонтэнэ стала пленницей лесного разбойника, с первого взгляда очарованного зеленоглазой красавицей. Но кто же на самом деле этот дьявольски красивый мужчина, назвавший себя Джеком Лэнгли? Элизе предстоит разгадать эту тайну молодого атамана, похитившего её сердце.

Украденное счастье

Глава 1

15 октября 1777 года

Замок де Фонтэнэ, окрестности Парижа

Была середина октября. Второй день шёл дождь. Осенний стылый воздух пропитался сыростью. Солнце едва показывалось из-за туч, делая дни серыми и унылыми.

Окутанный туманной дымкой замок де Фонтэнэ был выстроен в готическом стиле и казался особенно мрачным. С раннего утра у каменных стен старинного замка стоял экипаж, запряжённый парой породистых гнедых лошадей.

Одетая в дорожное платье Элиза Бомон де Фонтэнэ окинула взглядом свою комнату. Здесь прошло её казавшееся теперь счастливым и безмятежным детство, закончившееся со смертью матери пять лет назад.

Элизе было двенадцать, когда внезапно скончалась Фиона Морран де Бомон, и девушка до сих пор помнила те дни и похороны своей матери.

Граф Франсуа Бомон никогда не скрывал своего безразличного отношения к единственной дочери, воспринимая её лишь как возможность заключить в дальнейшем выгодный

брачный союз. И Элизу было решено отправить на обучение в монастырь.

Девушке было страшно покидать родительский замок, но она понадеялась найти в монастыре утешение от охватившего её одиночества. Но монахини говорили лишь о смирении пред испытаниями, посылаемыми нам в этой жизни, и о промысле Божьем.

За годы в монастыре Элиза лишь едва научилась смирению, её наставницы не смогли дать ей ласку, заботу и понимание, в которых девушка так нуждалась.

А в безразличии отца она давно винила лишь себя, ведь граф хотел наследника, которого так и не смогла родить ему супруга. И Элиза понимала решение отца вновь вступить в брак. Девушка даже подумывала просить у отца разрешения остаться в монастыре, но отражение в зеркале подсказывало ей, что отец не отступит от цели выгодно выдать её замуж. Элиза скорее боялась, чем любила своего отца, и с замиранием сердца ждала дня, когда он примет решение.

Граф Франсуа Бомон взглянул на свою вернувшуюся из монастыря семнадцатилетнюю дочь и остался доволен. Скромное серое платье воспитанницы монастыря лишь сильнее подчёркивало природную красоту девушки, её стройное тело, длинные золотистые волосы, выразительные зелёные глаза, обрамлённые густыми ресницами.

Граф довольно улыбался, и Элиза поняла, что её судьба решена. Ей оставалось лишь молиться, чтобы её будущий

муж был хоть немного ласков и нежен с нею.

Элиза даже не помыслила о том, чтобы перечить отцу и не подчиниться очередному его решению. Но когда отец назвал её имя будущего мужа, Элизе показалось, что её молитвы услышаны. Граф согласился на давний сговор со своим другом Раулем де Бриссаком поженить их детей.

Молодой Луи де Бриссак поначалу был не в восторге от необходимости жениться в двадцать лет. Но довольно охотно изменил своё мнение, едва увидев Элизу.

Луи был явно очарован с первого взгляда, невольно задумываясь, не притворна ли её излишняя девичья скромность.

Граф де Бомон не поскупился на новые модные платья для дочери. И в Элизе неожиданно для неё самой проснулся древний женский инстинкт и желание понравиться мужчине в надежде на неведомое счастье. Элиза даже снова улыбалась.

Она помнила Луи, когда тот приезжал в замок Фонтэнэ вместе со своим отцом. Нескладный подросток с едва заметным пушком на верхней губе превратился в статного молодого мужчину.

Да и она сама из худенькой девочки стала юной женщиной, готовым распуститься цветком, который скоро должен быть сорван. И с губ замечтавшейся Элизы не сходила застенчивая улыбка. Элиза испытывала странное волнение и удовольствие оттого, что тот, кто раньше едва удостоивал её внимания, теперь не сводит с неё взгляда.

Да и старый граф де Бриссак не без удовольствия поглядывал на будущую красавицу невестку, так легко поддерживающую разговор, и которую не без гордости можно будет представить ко двору.

Но размышляя над своими чувствами к жениху, Элиза не понимала их и даже боялась. В монастыре её учили стыдиться плотских желаний и избегать их. Но Элиза так хотела любить! Так хотела быть счастлива!

Однажды Луи поцеловал её, когда им разрешили побыть наедине. Опомнившись, Элиза вырвалась и убежала. Сердце колотилось от необъяснимого волнения.

Элизе казалось, что поцелуй Луи должен был ввергнуть её в пучину искушения, но вместо этого она ощутила пустоту. Ещё более пугающую пустоту, чем плотское желание, которое следовало замаливать молитвами. Но откуда ей было знать, что такое любовь?

Элиза успокаивала себя тем, что после свадьбы всё изменится. Луи говорил ей о любви, и девушка верила, что сможет полюбить в ответ, ей ни за что на свете не хотелось сделать несчастным другого человека.

И вот сегодня она уезжала в парижский особняк Фонтэнэ, чтобы вновь встретиться с женихом и сшить у парижских модисток свадебное платье. И тогда будет поздно отступать и искать иной судьбы. Она переступит порог своей комнаты, покинет замок Фонтэнэ, сядет в карету и вечером ступит в графский особняк будущего мужа.

А в назначенный день ответит согласием на вопрос священника и последний мост за её спиной будет сожжён, бесповоротно решая её судьбу.

Элиза порывисто обернулась. На пороге стояла её пожилая нянюшка.

– Экипаж ждёт. Вам велено спускаться, – негромко сказала она.

– Уже иду, Матильда, – обречённо отозвалась Элиза, натягивая тонкие кожаные перчатки.

Она окинула прощальным взглядом свою комнату, вытерла набежавшие слёзы и, подхватив саквояж, спустилась по лестнице вместе с няней.

– Оденьте, мадмуазель. Холодно и дождь снова разошёлся.

Матильда по-матерински заботливо застегнула пряжку плотной шерстяной накидки. Элиза остановилась, ожидая, что отец что-то скажет ей.

Девушка опустила глаза, опасаясь, что заставила отца ждать, и он недоволен.

– Будь умницей. Я приеду на свадьбу, – сдержанно напутствовал граф свою дочь. – Всё, ступай.

Элиза заставила себя не обернуться вслед уходившему отцу, не пожелавшему проводить её дальше холла. Матильда ласково тронула воспитанницу за плечо.

Та выпрямила спину, упрямо и гордо вскинула голову и накинула капюшон. В лицо ей тут же хлестнул порыв холод-

ного ветра с морозящим дождём.

Пасмурный день был похож на вечер из-за дождевых облаков. Кучер распахнул дверцу кареты перед девушкой, и Элиза даже поспешила спрятаться от непогоды в экипаже. Отодвинув чёрную саржевую шторку окошка, Элиза выглянула на прощанье.

Матильда махала ей рукой, не сдержав слёз. Девушка помахала ей в ответ и посмотрела вверх на казавшиеся уже чёрными стены замка и поняла, что несмотря ни на что будет тосковать по дому, не имея возможности каждый день бывать у могилы матери.

Эта мысль сильнее всего расстроила девушку, и Элиза дала волю слезам, чувствуя себя снова одинокой. Страх неизвестности окутал её густым туманом, заставляя ощущать себя беспомощной перед навязанной ей судьбой. Но Элизе не хотелось жалеть себя.

Элиза потянулась открыть вторую шторку, чтобы хоть немного разогнать царивший внутри кареты мрак, воскрешавший детские страхи и боязнь темноты.

На полу кареты был небрежно поставлен не поместившийся на задке кареты сундук с серебряной посудой, составлявшей часть приданого.

Элиза упёрлась ногой в стенку сундука, пытаясь подвинуть его хоть немного, но тот был слишком тяжел, и усилия девушки оказались безрезультатны. Раздосадованная Элиза вжалась в угол кареты, пытаясь унять дрожь. Усилившийся

дождь громче забарабанил по крыше экипажа.

Девушка закрыла глаза, стараясь представить себе, что просто спит и видит страшный сон. А завтра утром проснётся в своей тёплой постели, и не будет никакой дороги, никакого дождя, никакой свадьбы...

Ей будет снова двенадцать. И будет жива её мама. Элиза не заметила, как уснула.

Глава 2

Ещё сквозь сон Элиза услышала оглушительный свист. Открыв глаза и вздрогнув от испуга, она сначала подумала, что шум ей послышался.

Но раздались приближающиеся громкие крики, снова свист и выстрелы. Не думая об опасности, Элиза выглянула в окошко кареты. Дождь всё ещё лил стеной, и ничего не было видно. Карета вдруг резко остановилась. Кони испуганно заржали.

Крики стали громче и где-то совсем рядом. Элиза с трудом разглядела нескольких всадников, окруживших карету.

По их речи, щедрой на брань и смех, было нетрудно догадаться и об их происхождении, и о намерениях. Элиза задёнула шторы, не надеясь на спасение для себя.

«Боже милостивый! Это же разбойники! Что со мной будет?! Защити меня Пресвятая Дева!» – взмолилась девушка в испуге. Замирая от страха, она старалась вслушиваться в

их разговор.

– А лошадки-то породистые, славные! – тоном знатока заявил кто-то.

– Да и карета новая! – заметил кто-то другой.

– А что же у нас там внутри? – захохотал кто-то хрипло у самой дверцы кареты.

Элиза вздрогнула и зажала рот ладонью, чтобы не вскрикнуть. Но разбойники почему-то медлили. Элиза успела пожалеть, что ей нечем защитить себя от посягательств.

Или же убить себя, если не останется иного способа спастись от бесчестья.

– Пошли вон отсюда! – раздался громкий, властный голос, и дверца кареты распахнулась.

Элиза сдавленно вскрикнула и вжалась в угол экипажа, пытаясь в то же время разглядеть мужчину, ступившего на подножку. С широких полей его шляпы стекала дождевая вода, воротник чёрного плаща был поднят и застёгнут.

Мужчина показался Элизе бледным и уставшим. Взгляд тёмных глаз казался насмешливым, но на плотно сжатых губах не было ни тени улыбки.

Элиза нашла в себе остатки мужества, чтобы заговорить первой.

– Что вам угодно, сударь? – спросила она предательски дрогнувшим голосом.

– Нас спрашивают, что нам угодно! – передал её слова остальным человек в шляпе и плаще.

Ответом девушке был оглушительный хохот, заставивший её снова вздрогнуть.

– Тихо, господа! – скомандовал он, и Элиза убедилась, что все его слушаются. – Нельзя быть невежливыми с дамой! – насмешливо-поучительным тоном напомнил он и снова обратил взгляд к девушке. – Нам угодно, сударыня, чтобы вы сообразовали быть нашей гостьей, – сказал он, и к его насмешливому взгляду добавилась снисходительно-вежливая улыбка.

Мужчина протянул ей свою руку в кожаной потёртой перчатке, и Элизе ничего не оставалось, как вложить в неё свою ладонь.

Прекратившийся дождь лишь слегка накрапывал, и выбравшаяся из кареты Элиза без труда могла разглядеть напавших людей.

Их было не меньше десятка мужчин, не старше сорока лет. Все они, не скрывая интереса, рассматривали доставшуюся им добычу. Пытаясь не поддаться панике и удержаться на слабеющих от страха ногах, Элиза заставила себя посмотреть на главаря.

– Сударь, если у вас и ваших друзей есть хоть капля чести и благородства, вы отпустите нас, чтобы...

Взрыв хохота оглушил девушку и не дал ей договорить. Но главарь взмахнул рукой, и все умолкли. Элиза даже испытала благодарность к этому мужчине, выслушивавшему её со вниманием и даже, по-видимому, собиравшемуся ответить.

– Чтобы мы могли ехать дальше, – договорила Элиза, готовая умолять снова и снова.

– Боюсь, это слегка затруднительно, сударыня, – проговорил он в ответ.

– Сударь, – заговорила Элиза, но тут она проследила взглядом и увидела лежащего на мокрой земле кучера.

Можно было подумать, что он оглушён и лежит без сознания, но ошибиться было невозможно. Кучер был убит выстрелом в грудь, и его остекленевший взгляд был устремлён в пасмурное вечернее небо. Элиза в ужасе отшатнулась назад, не замечая, что оказалась в крепких мужских руках. В глазах у неё темнело, ноги больше не держали её.

Атаман подхватил на руки потерявшую сознание девушку.

Лес Креси. Некоторое время назад...

Треклятый дождь зачастил с утра и день не заладился. Джек бросил игру в карты, затеянную в общем зале, и в стороне от всех метал ножи, сочтя это занятие более полезным для себя.

– Эй, Джек! – окликнул его один из мужчин. – Почему ты передумал? Боишься намокнуть?

Джек развернулся и метнул нож в сторону говорившего. Тот вонзился в высокую спинку деревянного, грубо сколоченного стула.

– Ты промахнулся, – опешил Жильбер.

Кто-то захохотал. Джек повёл бровью, промолчав.

– Если бы Джек промахнулся, этот нож торчал бы у тебя в горле! Хотя этого ты и заслуживаешь, – ответили Жильберу.

– Ну, извини Джек! Передумал, так передумал.

– Да, передумал! – рявкнул Джек. – Собирайтесь все! Или боитесь раскиснуть под дождём?

Зал взорвался дружным одобрительным возгласом. И разбойничья шайка покинула своё логово. Они ехали по лесу, придерживаясь проезжей дороги. И кое-кто уже начинал чертыхаться, поминая холодный моросивший дождь всеми известными ругательствами.

– Ну что, доволен, Жильбер? Из-за тебя мы все без толку мокнем под дождём, – посмеялся Джек, словно наслаждаясь погодой.

– Уже не напрасно, Джек, – возразили ему. – Мы нагнали кого-то.

И началась погоня.

– Всё, что в карете – моё! – выкрикнул Джек и оглушительно засвистел.

– Попролам, Джек! Попролам! – напомнил кто-то.

Сражаться ни с кем не пришлось. Джек с убийственным упрёком смотрел на здоровяка Жильбера, виновного в том, что кучер лежал мёртвым.

– Я промахнулся, Джек! – развёл тот руками.

– Тогда куда же ты целился, слепой болван? Себе в лоб?

Их атаман не любил бессмысленных, ненужных смертей, и все это знали, придерживаясь того же мнения, когда имели дело с безоружными.

– Осталось узнать, что в карете. Мы ждём, Джек!

– А ну пошёл вон! – отпихнул спешившийся Джек басовитого рыжего громилу, ухватившегося было за дверцу кареты.

Джек распахнул зашторенную дверь и выждал какие-то мгновения. Всякое бывало в его жизни. Путник мог быть вооружён, и Джек рисковал получить пулю в лоб так же, как и любой из его людей. Но в карете была явно женщина.

Джек поставил сапог на подножку кареты и взгляделся в темноту салона.

– Что вам угодно, сударь? – раздался испуганный и дрожащий женский голос.

Джеку понравился этот голос. И он чертыхнулся про себя, не в силах разглядеть черты лица путницы. Джек передал слова своим людям и не удивился, услышав их хохот. Он вскинул руку.

– Тихо! Нельзя быть невежливыми с дамой!

Смех смолк, но остался жадной улыбкой на мужских лицах. Джек без труда догадывался об их мыслях.

– Нам угодно, чтобы вы были нашей гостьей, – сказал он, ничуть не лукавя.

Ничего другого ему и не оставалось, как забрать девушку к себе в случившихся обстоятельствах. И он протянул ей руку. Девушка, справившись, видимо, с волнением, приняла

его галантный жест и вышла из кареты. Капюшон накидки обнажил светлые волосы. И Джек лишился дара речи, увидев доставшуюся ему долю добычи.

«И она моя!» – восторженно думал он. Девушка посмотрела на него, и Джек перестал замечать происходящее вокруг.

Только её голос, только её туманные глаза, цвет которых невозможно было определить сейчас. Только губы, которые так хотелось поцеловать!

– Вы отпустите нас, – говорила девушка, но мужской хохот оглушил даже Джека.

Он снова махнул, требуя молчать.

– Чтобы мы могли ехать дальше, – договорила и умолкла девушка.

Джек попытался вернуться к реальности. Он мог бы сделать сейчас многое ради этих девичьих глаз, но только не это. Молодой мужчина с некоторым облегчением подумал, что без мук совести может отказать девушке.

– Боюсь, это слегка затруднительно, – невольно отвёл он взгляд от девичьих глаз.

Девушка отшатнулась, попавшись в его руки, как в силки. Только поэтому он и успел подхватить теряющую сознание девушку. Это показалось Джеку знаком свыше.

Со всех сторон посыпались комментарии и советы, но атаман думал лишь о том, как же теперь поступить.

– Серж, – позвал он самого молодого из своих людей. –

Подведи Рейва и помоги.

Двадцатилетний молодой человек был одним из немногих, кому своенравный вороной жеребец позволял к себе приближаться.

– Джек, что ты делаешь? – преградил ему путь к жеребцу другой молодой мужчина.

– Оказываю мадмуазель услугу! Она нуждается в моём гостеприимстве!

– Это похищение, Джек! – возразил ему снова молодой человек.

– А ты предлагаешь оставить её здесь одну с трупом? На поживу волкам? Или ещё кому-то? – возразил Джек. – Как ты добр, Андре! Какое благородство! Помоги-ка лучше!

Джек вскочил в седло. И принявший из его рук девушку Андре, передал ему прекрасный трофей. Правя одной рукой, другой Джек прижимал к себе девушку. А путь был неблизкий. И времени поразмыслить у Джека было предостаточно.

Единственный способ защитить девушку от малейших посягательств его людей – это самому заявить свои права на неё.

Но и этого Джеку казалось мало. Он не знал о девушке ничего, даже имени, но хотел верить, что она и есть то чудо, которого он ждал и так жаждал.

Как же теперь он может отдать ту, которую он ждал так долго? Да он пристрелит любого, кто захочет отнять её! Потому что, если он не ошибся в этой девушке, то она смо-

жет стать его счастьем, его любовью. И он сможет открыть ей своё сердце, не боясь, что оно будет разбито женским коварством и предательством.

Показались стены их убежища, и Джек пустил Рейва чуть быстрее. Серж снова помог ему, подумав ненароком, не влюбился ли их атаман, известный довольно противоречивым отношением к женщинам, в эту юную дворяночку.

Джек пинком распахнул дверь в свою спальную. Только здесь девушка и будет в безопасности, пока он не вернётся. Он уложил её на край постели, расстегнул пряжку её накидки, снял туфли с её ножек. И укрыл девушку её шерстяной накидкой.

Джек зажёл все имевшиеся свечи и вернулся к изголовью. Волосы у девушки оказались золотисто-русыми, и в них уже искрилось пламя свечей.

«Мой ангел! Ты будешь только моя!» – замечтался Джек, разглядывая черты её лица, такие безупречные, что невозможно было найти изъяна. Джек отвёл короткий локон, упавший на её лицо, поцеловал, не удержавшись, её лоб. Взяв из секретера ключ от комнаты, он запер дверь на оборот замка. Так было надёжней. В общем зале его уже ждали.

– Эй, Джек, смотри, что мы нашли!

Жильбер держал в руках гребень с серебряной инкрустацией, найденный в женском саквояже. Джек молча направил пистолет в лоб здоровяку.

– Положи где взял! Это касается всех!

Ещё несколько мужчин положили найденные вещи обратно в саквояж. Джек хлопнул его.

– Да ты что? – пытался возразить Жильбер. – Из-за какой-то девчонки? Ты же забрал её уже!

– И заберу всё, что захочу! Или ты и женские тряпки захочешь примерить?

Общий смех поддержал Джека. Всех привычно волновала выгода от сегодняшней вылазки.

– Там ведь почти полный сундук серебра, – напомнил Серж. – Верно? – обратился он ко всем. – В том сундуке есть чем поживиться.

– А в твоей комнате есть чем полакомиться, Джек, – не отступался Жильбер. – Мы ведь делим всё поровну, верно?

Джек снова направил на Жильбера пистолет.

– Будешь лакомиться пулей, если не заткнёшься и не угомонишься!

– А серебро, Джек? – спросил кто-то. – Делим?

– Да, начинай, – разрешил Джек.

– А тряпки в другом сундуке? – спросил кто-то ещё.

– На что тебе женское барахло? – со смехом ответили ему.

– Вещи моей гостью останутся в моём распоряжении, – заявил Джек. – Всё решено.

– Ты разве не остаёшься с нами? – спросили его.

– Тупица! Джека ждёт дама! А даму нельзя заставлять ждать!

Многие позволили себе посмеяться. Но хватило одного взгляда Джека, чтобы смех умолк. Джек подхватил саквояж и отправился наверх.

Ему конечно, тоже хотелось хоть немного выпить, но только не того пойла, которым довольствовались остальные. И, конечно же, он надеялся, что девушка очнулась и пожелает говорить с ним.

И он оказался прав.

Глава 3

Элиза очнулась, открыла глаза и не сразу смогла понять, где она находится. Несложно было догадаться, что она оказалась в логове этой шайки разбойников, напавших на её карету. Девушка искренне жалела о том, что это всё оказалось реальностью, а не кошмарным сном. Не о таком спасении она молилась.

Это было то, чего она боялась больше смерти. Элиза вздрогнула от холода и приподнялась на постели, огляделась вокруг. Кровать, на которой она лежала, была большой и мягкой, застеленной тёмно-бордовым бархатным покрывалом.

Бархатным был и балдахин кровати. Тот, кто проводит ночи в этой постели, явно любит роскошь и удобства. Девушка с опаской покосилась на дверь, которая могла распахнуться в любой момент. Но нельзя же обречённо ждать своей участи!

Элиза соскочила с постели, желая убедиться, заперта ли дверь. На двери оказался внутренний засов, но как Элиза ни пыталась, разгадать механизм ей не удалось.

Девушка кинулась к окну, но ставни были наглухо закрыты на верхние задвижки, достать до которых невысокая ростом Элиза была не в состоянии.

Разочарованно и устало она оглядела огромную комнату, освещаемую несколькими канделябрами свечей. Вся мебель была богатой, добротной, почти как в их замке.

Но комната была обставлена по-мужски скупно, лишь необходимой её хозяину мебелью. А в том, что эта комната принадлежит именно мужчине, Элиза не сомневалась. Она даже знала, кто этот мужчина.

Атаман...

Девушка продолжила разглядывать комнату. Паркетный пол давно не покрывался лаком, не натирался мастикой. Медвежья шкура лежала с другой стороны кровати. За шёлковой высокой ширмой оказалась большая медная ванна. Ещё Элиза разглядела секретер, большое глубокое кресло, скамеечку для ног. И невозможно было не заметить буфет с посудой из хрусталя и серебра. Элиза подошла ближе, чтобы полюбоваться, но страх скоро заглушил этот праздный интерес. Девушка вдруг поняла, что ей некуда деться из этой комнаты. Она устало добрела до кровати, села на край.

Ей хотелось быть сильной, сохраняя достоинство, но слёзы одержали верх. Упав лицом вниз на кровать, девушка раз-

рыдалась. Всхлипнув в последний раз, Элиза перевела дыхание и едва успела вытереть слёзы, как услышала звук отпирающегося замка.

Девушка выпрямилась, готовясь встретиться лицом к лицу со своим похитителем. Её сердце неистово колотилось, но кровь казалась ледяной. Элиза дрожала, не в силах справиться со страхом. Дверь неспешно открылась. В комнату вошёл атаман.

Элиза без труда узнала его. Сейчас на нём была белая рубашка, распахнутая на груди, чёрный растёгнутый камзол и чёрные же бриджи, заправленные в высокие сапоги.

– Кажется, это ваше, сударыня, – глухо сказал он, ставя на столик рядом с кроватью её ручной саквояж.

Элиза вспыхнула было от радости. Слова благодарности застряли в пересохшем от волнения горле. Атаман между тем прикрыл дверь и прошёл вглубь комнаты, сел в кресло. Девушка так и не решилась заговорить, смущаясь от мужского взгляда. Атаман бесцеремонно разглядывал девушку. И блеск его карих глаз казался Элизе недобрый.

– Добро пожаловать в мои владения, – произнёс он. – Позвольте узнать ваше имя, сударыня?

Скованная волнением Элиза промолчала. И вздрогнула, когда мужчина порывисто поднялся.

– Ах, простите мою невоспитанность, – произнёс он с лёгкой издёвкой. – Так и быть, я представлюсь первым. Моё имя Джек, – отвесил он галантный поклон, – этого достаточно.

Элиза нашла в себе силы подняться и сделать лёгкий реверанс.

– Элиза де Бомон де Фонтэнэ, дочь графа Франсуа де Бомона, – тихо ответила она.

– Вот мы и познакомились, – довольно сказал мужчина. – Это следует отметить!

Джек подошёл к буфету, с нижней полки взял бутылку вина, наполнил бокал. В зеркальной стенке буфета он видел отражение девушки.

– Что вам нужно? – заговорила Элиза дрожащим от волнения голосом. – Ведь вы взяли всё, что хотели. Отпустите же меня! – почти выкрикнула она.

Атаман обернулся, с любопытством мужчины разглядывая девушку. Залпом осушил бокал.

– Мадмуазель Элиза, а кто вам сказал, что я взял всё, что хотел? – усмехнулся он.

Джек захохотал, наслаждаясь смятением и ужасом девушки. Но умолк. Откуда-то из-за двери доносился оглушительный хохот многих мужчин.

В коридоре раздались шаги, и в комнату ввалился огромного телосложения мужчина. Элиза вскрикнула и отшатнулась от шагнувшего вперёд пьяного разбойника.

– Джек, бери девку с собой, и идём к нам! Все будут рады такой компании!

Здоровяк хохотнул и смерил Элизу похотливым жадным взглядом. Джек мгновенно оказался рядом, встав между

Жильбером и девушкой.

– Пошёл вон отсюда! – рывкнул Джек. – Она для тебя госпожа графиня! Ясно?!

– Как скажешь! – снова хохотнул пьяный здоровяк и попятился, пошатываясь.

Джек захлопнул за ним дверь и обернулся. Элиза была бледной от ужаса. Но её взгляд казался благодарным. Атаман приблизился к ней, и она почувствовала запах вина и табака, исходивший от него. Глаза его лихорадочно блестели, притягивая к себе девичий замороженный взгляд.

Он обращался с ней так осторожно, словно и сам боялся причинить ей вред.

– Не бойся, – сказал Джек, едва касаясь её волос, – никто тебя не обидит. Ты под моей защитой.

Элизе хотелось ему верить. Святые небеса! Как он красив! Ей хотелось поблагодарить его за возвращённый саквояж, но Джек внезапно вышел, оставив девушку одну.

Элиза вздохнула и закрыла глаза. Щёки её пылали, сердце отчаянно билось. Какую странную, необъяснимую власть над ней обретает этот мужчина! После его слов уже не осталось сомнений, что не только эта комната, но и весь дом принадлежит Джеку.

Но откуда у него эти манеры и речь аристократа? И акцент, который, несмотря на его прекрасное произношение, Элиза сумела расслышать? Может, он из обедневших, разорившихся дворян? Из тех игроков и мотов, проигрывающих

состояние в карты?

Элизе не хотелось верить, что Джек такой. Тогда что толкнуло его заняться разбоем? Причин могло быть много, и девушка была уверена, что Джек не ответит на её вопросы.

Да и где же он сам? Боже милостивый! Она не должна о нём думать! Она должна молиться о том, чтобы он не пришёл!

– Мой саквояж!

Элиза метнулась к столику, схватила саквояж и снова села на постель. Уложенные вещи были в беспорядке, но вроде бы все на месте. Элиза вынула ночную сорочку, но засомневалась, стоит ли ей снимать платье, переодеваясь на ночь. Впрочем, Элиза не имела ни малейшего понятия о времени суток и о том, как долго пробыла в беспамятстве.

Девушка извлекла из саквояжа черепаховый гребень, инкрустированный серебром, и радостно прижала его к груди. Гребень принадлежал её матери и был Элизе дороже целого сундука с приданым, который без сомнения уже достался разбойникам.

Элиза вынула заколки из безнадёжно испорченной причёски и стала расчёсывать волосы, чтобы успокоить себя.

Где же Джек? Может в этот момент он пишет её отцу письмо с требованием выкупа? Каким же позором это будет! Её честь и репутация окажутся запятнанными.

Луи разорвёт помолвку, отменит свадьбу. И тогда её участь будет не лучше, чем сейчас, когда ей приходится по-

лагаться на слово разбойника.

Джек спустился в зал, где всюду шла весёлая пирушка. Молодой парнишка, которого Джек спас однажды, разносил сидр и пиво. Но у Джека были для Жана более важные поручения.

– Натаскай-ка воды наверх в мою ванну, – попросил он его, – ключ у двери, – добавил он шёпотом, – всё понял?

Подросток кивнул. Он уже обо всём услышал и без труда догадывался о кое-чём прочем. Джек же сел за стол ко всем, проглотил пару кусков жареного мяса, но от дешёвого разбавленного вина решительно отказался. Все усмехались молча, ещё не осмеливаясь шутить о планах их атамана на сегодняшнюю ночь.

А Джек попросту ждал, когда Жан исполнит его поручение, и он сможет вернуться в комнату, где ждёт его зеленоглазый ангел, которую зовут Элиза.

Элиза, из-за которой его сердце бьётся как у впервые влюбившегося юнца. Женщина, за любовь которой он отдал бы всё, что есть у него.

Вот только он давно знал, что любви нельзя добиться ни силой, ни деньгами. Той любви, которой он жаждал, нельзя было купить ни за какие сокровища мира.

Джек это знал. И потому только такой невинный ангел как Элиза может дать ему эту любовь, которая спасёт его душу.

От невесёлых мыслей о своей судьбе девушку отвлек шум за дверью и приближающиеся шаги. Элиза вскрикнула, когда снова открылась дверь, и отползла на середину постели. Но девушка испугалась напрасно.

В комнату вошёл молодой парень, совсем ещё мальчишка. Темноволосый, худощавый, одет он был в поношенные и великоватые ему простые штаны и рубашку. Едва взглянув на Элизу, он вылил принесённое ведро горячей воды в ванну и ушёл. Элиза не успела ничего ни сказать, ни спросить. Неужели это для неё?

Девушка вынуждена была признать, что уже мечтает искупаться и согреться в воде. Парнишка вернулся, принёс второе ведро горячей воды, так же невозмутимо вылил его в ванну и ушёл, не обращая внимания на девушку. Элиза попробовала окликнуть его, но тот всё равно молчал.

Девушка досадливо вздохнула, взглянув на камин без огня. Решившись, она принялась распускать тесёмки лифа. Уже привычный шум заставил её вздрогнуть и замереть.

В дверях стоял Джек и с явным наслаждением разглядывал её.

– Мсье Джек...

Тот лишь усмехнулся, громко захлопнул дверь и задвинул засов.

– Чтобы нам никто не помешал, мадмуазель, – произнёс он глухо и хрипло.

Элиза вспомнила того здоровенного пьяного мужчину,

вломившегося в комнату, и с каплей спокойствия взглянула на задвинутый засов на двери.

Снаружи всё ещё доносился пьяный громкий смех, и Элиза предпочла малое зло гораздо большему, поджидавшему её за дверью. Джек тем временем выругался и остановился перед камином.

– Как здесь чертовски холодно! Примите мои извинения. Я же просил развести огонь!

– У меня тёплая накидка, мсье, – негромко отозвалась Элиза. – Мне не холодно, ничуть.

– Вы не умеете лгать, мадмуазель, – не обернулся Джек, разводя огонь, – но скромность вам к лицу.

Элиза не ответила, уличённая в невинном лукавстве. Джек пропах вином и табаком, но этот запах, к удивлению девушки, не отталкивал, а наоборот привлекал, как что-то порочное. Элиза мысленно попрощалась с возможностью искупаться. У неё не было ни малейшего желания делать это в присутствии Джека.

Зато Джек, по всей видимости, не собирался отказываться от возможности принять горячую ванну. И начал раздеваться, ничуть не стесняясь присутствием девушки.

Элиза же не смогла оторвать взгляд от его мускулистого торса. Щёки её горели от смущения и волнения, но отвернулась она лишь тогда, когда Джек начал избавляться от бриджей. Только услышав плеск воды, Элиза позволила себе посмотреть в сторону ванны, в которой нежился Джек. Подав-

ляя в себе сожаление и зависть, Элиза потянулась к гребню, чтобы снова начать расчёсывать волосы.

– Потрите мне спину, мадмуазель Элиза, – прозвучал вкрадчивый голос.

Девушку смутила просьба, но именно смущение дало ей силы возразить мужчине.

– Я вам не прислуга, мсье!

– Ах, конечно же, – смиренно произнёс он, – вы гостья, госпожа графиня! Как я мог забыть? Но, может, вы сообразоволяете оказать мне такую честь? Представьте, что это я в гостях у вас?

– Весьма сомневаюсь, что это возможно, мсье, но если вы просите, я окажу вам такую услугу, – ответила Элиза, вспомяная о благодарности, и поднялась с постели.

Её ножки в тонких чулках неслышно сделали несколько шагов. Джек терпеливо держал в руке намыленную мочалку.

От волнения у Элизы подкосились ноги, и она почти упала на колени. Джек с лёгкой тёплой улыбкой протягивал ей мочалку и не сводил с девушки взгляда.

– Спасибо, что вернули мне саквояж, – сказала Элиза, беря мочалку из мужских рук.

Джек пожал плечами и подставил спину. Едва сдерживая дрожь в руках, Элиза начала растирать его шею и плечи. Ей не доводилось купать мужчин, но сейчас она вдруг осознала, что ей приятно делать это, исполняя просьбу Джека.

Она больше не испытывала страха. Элизу охватило непо-

нятное, томящее сердце волнение, словно она оказалась во власти наваждения.

Слишком невероятным и нереальным казалось всё происходящее. Неужели этот мужчина так волнует её и пробуждает те чувства, которые она так жаждала испытать?

Джек вдруг откинулся назад, взял её руку и настойчиво потянул её вниз. Элиза дёрнулась, встретила насмешливый и серьёзный взгляд мужчины и испугалась того, что, как ей показалось, требовал от неё Джек.

– Об этом уговора не было, мсье, – выговорила она.

– Но попытаться стоило, – улыбнулся и выпустил её руку мужчина.

Элиза отшатнулась назад к кровати, но в этой комнате она была как в ловушке. Необъяснимая сила приковывала её взгляд к мужчине, во власти которого она оказалась.

Дьявольски красивому мужчине. Ухватившись за столбик кровати, Элиза нашла в себе силы подняться.

– Расстелите для нас постель, мадмуазель Элиза, – услышала она просьбу.

Элиза вцепилась в резной столбик, чтобы не упасть.

– Что вы сказали, мсье Джек? – переспросила она, наивно надеясь, что неверно поняла слова мужчины.

– Видите ли, мадмуазель, кровать одна. А поскольку спать на полу я не собираюсь, я полагаю, что и вы будете столь же благоразумной и воспользуетесь моим гостеприимством.

– Если ваше гостеприимство подразумевает насилие, то я

всё же предпочту спать на полу, – смогла выговорить Элиза.

– Насилие? – с лёгкой усмешкой переспросил он. – Поверьте, мадмуазель, мне оно не понадобится.

Элиза вспыхнула от нескромного намёка. Может ли быть, что она неверно толкует его слова? Едва осознавая свои действия и причины, заставлявшие её подчиняться, Элиза аккуратно свернула покрывало к изножью, взбила лёгкие подушки, откинула край одеяла. Услышав снова плеск воды, Элиза замерла и заставила себя не оборачиваться.

Страх и волнение сражались в её душе, обдавая то холодом, то жаром всё её тело. Затаив дыхание, она ждала действий Джека и едва не вскрикнула, когда он прошёл так близко, но мимо неё. Осторожно посмотрев в его сторону, Элиза заметила, что мужчина соизволил натянуть бриджи, щадя её скромность.

Джек налил вина в два бокала и протянул один Элизе.

– Выпей и успокойся, – просто сказал он. – Я ведь обещал, что рядом со мной тебе ничто не угрожает, – напомнил он девушке.

– Благодарю, но я не хочу, – отказалась она от вина.

Джек пристально взгляделся в её лицо и усмехнулся.

– Ты не умеешь лгать. Только не мне, Элиза. Пей. Тебе это нужно. Поверь мне.

– Чтобы вам было проще соблазнить опьяневшую от вина беззащитную девушку или преодолеть её сопротивление? – спросила Элиза, выдавая свои тревоги.

– Это весьма соблазнительно, но и в мыслях этого не было, мадмуазель Элиза, – возразил девушке Джек с дьявольски соблазнительной улыбкой, которая заставила девушку усомниться в его словах.

Элизе стало стыдно за свои подозрения, но возвращавшийся страх был сильнее. Сердце девушки забилось сильнее. Джек был так близко, смотрел на неё так пристально и откровенно, что опьянял одним лишь своим присутствием, взглядом своих тёмных глаз. Элиза окунулась в их манящую глубину и утонула в этом бездонном, колдовском омуте. Оцепеневшая, она не могла ни двинуться с места, ни сказать хоть слово.

Мгновения становились мучительными.

– Выпей и искупайся, пока вода совсем не остыла, – снова предложил он, протягивая бокал.

Элиза сомневалась. От Джека еле уловимо пахло дорогим фиалковым мылом, и если он и был пьян, то только от выпитого при ней вина. Элиза едва могла удержаться от искушения ощутить на своей коже тот же фиалковый запах мыла.

Едва осознавая свои действия, она взяла бокал с вином. Прохладное вино показалось Элизе слегка крепким, но она выпила его до последней капли. Джек снова улыбнулся и принял опустевший бокал. Элиза отступила за ширму и стянула с плеч рукава платья.

– Вы позволите вам помочь? – не удержался, чтобы не спросить Джек.

Элиза пошатнулась и ухватилась за край ванны.

– Нет! – выкрикнула она в ужасе.

Вино растеклось теплом по телу, и Элиза начинала бояться, что оно вскружит ей голову. Но Джек оказался позади неё, обхватил одной рукой.

– И всё же я попробую вам помочь, – заявил он, другой рукой развязывая и ослабляя шнуровку её корсета, – Элиза, – шепнул он ей на ухо и к удивлению и огромной радости девушки оставил её одну.

Элиза подглядела в щёлку между створками ширмы и стала торопливо расстёгивать крючки корсета. Джек стоял у камина, задумчиво и неторопливо пил вино.

Элиза стянула сорочку и быстро залезла в воду. Вода была ещё тёплой, но не настолько, чтобы долго нежиться. Элиза торопливо намыливала себя и окуналась в воду.

Джек снова напугал её, подойдя ближе.

– Я подумал, что вам понадобится вот это.

Элиза узнала свою ночную рубашку, которую Джек держал за бретельки. Всю другую её одежду Джек незаметно для девушки уже забрал и кинул на кресло.

Элиза ахнула от своей оплошности. Прикрывая обнажённую грудь, девушка потянулась за сорочкой, но Джек отступил назад.

Элиза прикусила губу, выбирая между стыдом и гордостью. И выбрать не могла.

– Поднимайтесь и одевайтесь, – сказал Джек, но в его го-

лосе явно слышались властные ноты. – Я не буду смотреть, – пообещал он.

Элиза не поверила, но выбора у неё не было. Ухватившись за подол рубашки, она скользнула внутрь рукой. Джек смотрел в сторону, но усмешка на его губах подсказывала, что девичья нагота всё же доступна его взору.

Девушка придержала рукой ночную рубашку, чтобы подол не упал в воду и не намок. Она собралась выбраться из ванны, но Джек стоял так близко, что ей попросту некуда было ступить.

– Мсье...

Она не знала, о чём ей следует попросить. Её напугал его взгляд, слишком серьёзный взгляд мужчины, который видит то, что страстно желает.

Тонкая ткань рубашки облепила её мокрое тело, предательски обрисовывая очертания маленькой, соблазнительной груди.

Но Джек смотрел в глаза девушке, выискивая в их зеленоватом океане лишь одному ему понятный ответ. Элиза вскрикнула, когда он схватил её и вытащил из ванной.

У девушки закружилась голова, и Элиза была вынуждена вцепиться в мужские плечи, когда её ножки коснулись расстеленной на полу медвежьей шкуры. Вино кружило ей голову, а близость Джека сводила с ума.

Он провёл рукой по её распущенным волосам, отвёл от лица один локон.

– Ты очень красивая, Элиза, – произнёс он хрипло, со сдерживаемой страстью. – Ты самая красивая из тех, кого я знал.

Элиза тут же пожалела о такой красоте, из-за которой ей грозит бесчестье. Джек крепче прижал её, коснулся лица.

– Это не пустые слова. Это правда. Верь мне, – просил он так, словно нуждался в её доверии так же, как в воздухе.

Элиза не успела ничего сказать. Но, может, Джек и не требовал ответа? Он поцеловал её, подавив недолгий девичий протест, растаявший от нежности его обветренных губ. Элиза изумлённо ахнула. Сердце забилося с незнакомым волнением, рождая внутри особое тепло и трепет. Элиза испугалась своих ощущений.

Да, Луи уже целовал её, но волнение от того поцелуя меркло и казалось ничтожным по сравнению с тем, что она только что испытала.

Элиза открыла глаза, но взор заволокло туманом, голова кружилась. И если бы Джек не держал её так крепко, прижимая к себе, то Элиза наверняка упала бы без сил.

Не дав ей опомниться, Джек подхватил девушку и опрокинул на постель. Но Элиза закричала, упираясь ладонями в его плечи. Джек не выпустил её и залюбовался её рассыпавшимся по одеялу золотом волос. В глазах очнувшейся от наваждения девушки явно читался страх, и Джек виновато улыбнулся.

– Не бойся. Я умею быть нежным, – пообещал он.

– И что же вы называете нежностью? – еле выговорила под его тяжестью девушка.

– Многое, красавица моя. Ты скоро узнаешь...

Он снова поцеловал ее, с голодной жадностью требуя от девушки ответной ласки. Элиза тихо застонала от сладкой пытки, которой ей показался поцелуй Джека и жар его тела. Его сила, его тяжесть заставили Элизу на время подчиниться ему, когда он поцелуями спустился по её шее к груди.

Но когда его ладонь стала гладить её бедро, пытаясь проникнуть под сорочку, остатки стыда и страха заставили девушку воспротивиться мужскому натиску.

– Нет! – выкрикнула она. – Нет, прошу вас! Не надо! Умоляю! У меня есть жених! Как я вернусь к нему опозоренной?

– О, жених? Неужели?!

Джек удивился или умело сделал вид, что искренне удивлён. Он приподнялся, нависая над девушкой. Элиза с ужасом заметила, как изменилось его лицо, как заледенел взгляд.

– Представьте себе, мсье! Да, жених! И я была бы признательна вам, если бы вы быстрее решили вопрос о выкупе и вернули меня отцу и жениху.

Джек усмехнулся, поведя головой.

– Я ничего не говорил о том, что мне нужен выкуп, мадам-муазель де Бомон. Ни от вашего отца, ни тем более от жениха. И я не столь нуждаюсь в деньгах, как вы думаете. Лишь мои люди...

Джек не договорил.

– Вот и отдайте деньги за меня им! – вступилась Элиза, прервав его.

Она не сомневалась, что Луи заплатит выкуп. А Джек недобро усмехнулся.

– Я хорошо знаю своих людей, но если бы я им предложил на выбор деньги или вас саму, то не уверен, что они выбрали бы деньги...

Элиза онемела от ужаса. Если Джек хотел её напугать, то ему это удалось. Но ведь он не поступит так на самом деле?!

– Мы делим добычу пополам. А я своей долей выбрал вас. И я никогда не отдаю просто так то, что попадает в мои руки! – усмехнулся он.

– Но мой жених...

Джек вспыхнул от внезапной неконтролируемой ярости. Он метнулся прочь, опрокинул поправшую под руку ширму, разразился бранью.

– Да чёрт бы его побрал! Кто он такой, что ты так рвёшься к нему?! Жених! Или это всё, что ты знаешь о нём? Хотя, постой, – вскинул он руку, – дай-ка я угадаю! На тебя позарился старый богач, польстившись твоей молодостью и красотой? Но будет ли он хоть на что-то способен в постели?

Испуганная Элиза следила за метавшимся по комнате Джеком и боялась говорить. Джек же налил себе вина снова, сделал глоток.

– Он не стар, – воспользовалась этим молчанием Элиза.

– О, ну конечно! Иначе зачем тебе так спешить оказать-

ся в брачной постели. Значит, это смазливый щёголь, который променяет тебя на очередную любовницу, обрюхатив или пресытившись! Хочешь быть для него игрушкой?! Тебя прельщает подобная участь?

– А вы судите по себе? Луи не такой! Он любит меня! – не выдержала Элиза, забывая о страхе. – А я люблю его!

Джек со злостью швырнул опустевший бокал в камин.

– Поэтому ты хочешь сохранить невинность для него?!

Джек обернулся, снова пугая Элизу своей яростью.

– А, по-вашему, я должна уступить её вам, мсье?! По-вашему, это лучшая для меня участь? И я для вас разве не игрушка? А когда через месяц я надоем вам, отдадите меня на развлечение вашим людям? Эту участь вы задумали для меня?

Джек подступил к девушке и посмотрел ей в глаза. Элиза отшатнулась, холодея и немея.

– Решать вам, мадмуазель. Но если ты не будешь моей, как я смогу запретить своим людям поступать с тобой так, как им захочется?

Элиза побледнела, догадываясь.

– Но вы мне обещали защиту! – попыталась она воззвать к его чести и совести.

Джек вскинул бровь и скривил губы в усмешке. Элиза всё поняла. Вскинула храбро подбородок и взглянула прямо в глаза мужчине.

– Намерены взять меня силой? Это будет достойная побе-

да, мсье! Простите, что не желаю удачи! – не удержалась она от издёвки.

Джек грубо схватил её за руку и стащил с кровати. Элиза вскрикнула от боли.

– Куда мы? – спросила перепуганная девушка.

– Пожелаем моим людям доброй ночи!

– Нет! Нет! Джек!

– Значит, желаете остаться только в моём обществе? – остановился, успокаиваясь, он.

– Да, мсье, – взволнованно дышала Элиза. – Мне вполне хватает вас.

– Элиза! Я заставлю тебя забыть его! – зажёгся страстью его взгляд.

– Силой? – осмелилась спросить она.

Джек замер, сжал пальцы в кулак. Элиза зажмурилась и отвернулась. Но Джек всего лишь дёрнул засов и вышел, громко хлопнув дверью.

Джек впечатал кулак в стену и попытался себя успокоить. Да, терпение не слишком было свойственно ему, но неужели он вправду был готов взять девушку силой?

Джек не винил в этом креплёное вино. Причина была в самой Элизе. Неужели она уже влюблена в своего жениха, для которого пытается сберечь невинность?

«Нет, мой ангел, моя красавица! Покуда я жив, ты будешь только моей! – одержимо подумал Джек. – Я возьму тебя

первым, и никто другой тебя не получит!»!

Дружные крики и свист приветствовали появившегося в зале полуобнажённого Джека.

– А, вот и наш Джек!

– Уже потоптал курочку!

– Утомила тебя красotka, Джек?

– Покажи ей ещё, Джек! Тебе помочь?

Но он прошёл мимо и вышел во двор. Ночной воздух отрезвил его. Но не изменил его намерений. Он не собирался отступать. «В эту ли ночь, в другую ли, но ты будешь моей!» – думал Джек, возвращаясь обратно.

Уход Джека испугал девушку не меньше, чем его слова. Не придут ли за ней другие разбойники? Устав прислушиваться к шуму внизу, Элиза отступила от двери и остановилась перед камином. Если с ней всё же случится это... На глаза девушке попала бутылка с остатками вина. Элиза наполнила бокал и выпила. От вина сразу стало как-то легче.

Она истерично рассмеялась и тут же заплакала. Элиза коснулась губ кончиками пальцев и закрыла глаза. Неужели вот таким и должен быть настоящий страстный поцелуй? Почему ей снова хочется ощутить прикосновение его губ? Это ли дьявольское искушение, которое погубит её? Или любовь, способная подарить счастье?

Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем девушке стала безразлична собственная участь. Уступит ли она иску-

шению, или станет жертвой насилия, она безвозвратно погубит себя. И всё равно, когда послышались шаги за дверью, к Элизе вернулась её решимость противостоять насилию. Даже когда она узнала звук этих шагов.

Дверь открылась тихо и медленно. Атаман перешагнул порог.

– Джек! Ты вернулся! Джек! Джек! – воскликнула она.

Элиза вдруг метнулась к нему, не владея собой, не понимая себя. Он заключил в объятия кинувшуюся ему на шею девушку, взглянул ей в лицо, залюбовался.

– Будь моей! Отдай мне свою любовь! Отдай мне себя! – зашептал он.

– Да, да, Джек! Я всё отдам! Только не уходи больше! Не оставляй одну! Мне страшно без тебя!

Он запечатал её губы поцелуем, наслаждаясь её податливостью, ответным порывом и какой-то отчаянностью, неистовством. Теряя голову от желания, Джек снова опрокинул девушку на постель, накрывая своим телом, своей тяжестью не давая пути к отступлению. Но Элиза не противилась, даже едва дыша, задыхаясь под ним, она тянулась обвить его руками, снова получить поцелуй. И не заметила, как оказалась обнажённой в мужских объятиях, ставших желанными.

Его ладони заскользили по её коже, открывая для себя тайны её тела.

– Ты любишь меня, Джек? – не владея собой, спросила Элиза.

Он ни на мгновение не замедлил с ответом.

– Да, моя Элиза. Я люблю тебя. Безумно люблю. Верь мне...

Элиза ответила на его поцелуй и уже не могла оттолкнуть мужчину, с таким жаром дарившего ей ласки, которых она раньше не ведала. Каждая клеточка её тела жаждала теперь его прикосновений и ласк. Странная боль заставила Элизу осознать, что Джек овладел ею, погружаясь во влажную глубину её лона. Забываясь и не помня себя от рождающихся в ней чувств, Элиза вскрикнула. Океан любви поглотил её.

Глава 4

Элиза проснулась от яркого света, лившегося в раскрытое окно. Девушка улыбнулась тёплым лучам, падавшим на её лицо, приоткрыла глаза, но тут же зажмурилась от слепившего солнечного света. Где-то слышалось птичье пение. Приподнявшись, Элиза вздохнула, открыла глаза и села на постели. Почему же она спала без сорочки?

Узнав в свете дня ту же комнату, служившую ей тюрьмой, девушка всё вспомнила. Ужас случившегося с ней вчера проник холодом в сердце. Элиза закрыла рот ладонью, чтобы не закричать, и лишь тихо застонала от отчаянья.

Джека ни в постели, ни в комнате не было, и Элиза решила, что это лишь к лучшему. Выскользнув обнажённой из-под одеяла, она метнулась за нижней сорочкой, лежавшей у

ванны. Торопливо одевшись, Элиза почувствовала себя спокойнее.

Раздумывая, сможет ли она сама затянуть корсет, Элиза подобрала платье и снова забралась на кровать. Жалеть себя девушке не хотелось, да и слёз почему-то не было. Но возникло отвращение к самой себе.

Как она могла уступить? Она должна была сделать хоть что-нибудь, чтобы защитить себя! Та мысль, что Джек оказался бы сильнее её и сломил бы её сопротивление, была малым утешением. Она должна была бороться! Но вместо этого она сдалась. И не вино было тому причиной. Она помнила, с какой страстью она отвечала на его поцелуи.

И помнила, что сама, забыв обо всём, упала в его объятия, отдаваясь ему. Джек оказался прав. Ему не пришлось брать её силой.

Собственные чувства пугали Элизу больше всего. Она не понимала, как подобное могло произойти с ней. «Моя жизнь кончена. Я опозорила себя. Пути назад нет. Только смерть или монастырь!» – горестно думала девушка.

Она закрыла лицо руками и, упав на покрывало, дала волю нахлынувшему слезам. И лишь воспоминание о Джеке заставило девушку хоть немного успокоиться.

Она встала, надела корсет, застегнув спереди крючки, и с какой-то непонятной злостью пыталась туже затянуть шнуровку на спине. Когда ей это хоть как-то удалось, Элиза вздохнула спокойнее, одела платье. Всё ещё босая, девуш-

ка кинулась к окну с распахнутыми ставнями, надеясь пока неизвестно на что. И наткнулась на толстые прутья решётки. «Но почему? – взвыла от отчаяния Элиза. – Если это комната самого Джека?!»

Выломать прутья не было никакой надежды, но расстояние между ними... Мужчина, конечно же, не протиснулся бы, но у стройной миниатюрной женщины это могло бы получиться. Девушка с улыбкой и надеждой выглянула в окно.

Комната находилась на втором этаже, достаточно высоко от земли, но девушку это не пугало. Двор был большим, окружённым стеною. А вот сразу за стеной начинался лес и простирался, насколько хватало взора.

Надежда тут же угасла, как последний луч солнца. А чего она ждала? Что логово разбойников будет у проезжей дороги? Элиза вздохнула и отложила попытку вылезти в окно. Если она и сбежит, то заблудится в лесу. И она рискует быть растерзанной волками. Девушка горько усмехнулась, ощущая что-то внутри себя. Этой ночью она уже оказалась растерзанной диким зверем. Что может быть хуже? «О да, может, – с ужасом вспомнила она угрозу Джека. – Если меня изнасилует вся его стая бандитов».

В дверь вдруг постучали и Элиза испуганно обернулась. Кому понадобилось стучать в закрытую дверь? Элиза метнулась к постели, пытаясь расправить одеяло.

А в замке повернулся ключ.

– Мадмуазель? – донёсся голос из-за двери.

– Да? – осторожно ответила она.

Дверь открылась и Элиза узнала вчерашнего парнишку, приносившего воду для купания. На этот раз парень принёс поднос с едой. Элиза почуяла запах жареного мяса и ощутила приступ голода. Парень поставил поднос на столик и собрался уйти.

– Подожди! – выкрикнула Элиза. – Как тебя зовут?

– Жан, мадмуазель, – остановился мальчик.

– И сколько тебе лет? – поинтересовалась она.

– Скоро будет четырнадцать, мадмуазель, – ответил он.

– Элиза, можешь называть меня Элизой.

– Хорошо, мадмуазель Элиза, – кивнул Жан.

Девушка вздохнула. Ей хотелось ещё поговорить.

– Подожди! Джек твой хозяин?

– Я прислуживаю господину Джеку, – с гордостью подтвердил Жан.

– А где сам Джек? – задала Элиза волнующий её вопрос. – Он что-нибудь сказал?

– Господин Джек уехал вместе со всеми еще утром. А мне велел принести вам поесть и присмотреть за вами, пока не вернётся.

– И когда же он вернётся? – заволновалась Элиза.

Парень пожал плечами.

– Может, вечером. Может, завтра. А, может...

Элиза вздрогнула. Конечно, жизнь Джека полна опасностей. И если с ним что-нибудь случится, то что будет с ней?

Кто защитит её? И уж конечно это не под силу этому мальчику.

Неужели ей следует молиться о том, чтобы Джек оставался жив и невредим?

– Да вы ешьте, пока всё не остыло, мадмуазель Элиза. Я не знаю, что вы любите, и просто принёс то, что у нас есть. Если вы хотите чего-то особенного, то я скажу господину Джеку, если у нас этого нет.

Элизе не хотелось показаться капризной. Годы пребывания в монастыре и скромная еда научили её наслаждаться даже простым свежим хлебом.

– Нет, спасибо. Всё и так вкусно! А кто ещё в доме?

– Охрана, – спокойно ответил мальчик. – Но вы их не бойтесь. Джек велел не обижать вас.

Элиза прикусила язык, чтобы не сболтнуть что-нибудь о своём желании сбежать отсюда.

– Подожди ещё! Как мне тебя позвать, если что-то понадобится? – спохватилась девушка.

– А что нужно, мадмуазель? – охотно отозвался Жан.

– Ну, – Элиза задумалась совсем ненадолго, – хотя бы другое платье из моего сундука. Возможно, ты не понимаешь, но мне необходимо переодеться.

– Да чего же тут непонятного? Вы, женщины, любите наряжаться. Да и господин Джек любит смотреть на красивых женщин. А вы красивая, мадмуазель. Я поищу ваши вещи. Да вы ешьте.

Элизе стало стыдно. Ведь этот мальчик, как и все прочие в этом логове, понимал, что она стала любовницей их атамана. Девушка села на постель, и от запаха еды в ней снова проснулось дикое чувство голода. Она схватилась за нож и вилку.

Мясо оказалось сочным и в меру прожаренным. Жирное молоко было разбавлено водой, а ломоть белого хлеба был из дорогой муки.

«Откуда такой хлеб? – удивилась Элиза. – Он вполне мог оказаться на столе у самого короля! Нет, Джек не так-то прост!»

Но при воспоминании о Джеке у насытившейся Элизы пропали остатки аппетита, и она отложила обратно зелёное яблоко, которое собиралась надкусить.

«Проклятый мерзавец! Ты разрушил мою жизнь! Как я могу вернуться теперь к отцу? Вернуться к Луи! Как пережить этот позор?! Не думай, что я буду молиться о том, чтобы ты умер и горел в аду, Джек! Нет, я буду молиться только о своей смерти, чтобы ты больше не мог коснуться меня! Потому что, когда ты касаешься меня, Джек, во мне разгорается адское пламя! Где же ты, Джек?!»

Элиза подошла к окну и посмотрела вдаль. Ветер качал верхушки деревьев, по прояснившемуся небу плыли лёгкие дымчатые облака. У Элизы были причины ждать Джека и желать ему благополучного возвращения в форт. Ведь её жизнь и дальнейшая судьба зависели от него. Пребывая во

власти столь невесёлых мыслей, Элиза обернулась, со странным чувством ожидая, что дверь вот-вот распахнётся и войдёт Джек. Что он скажет ей? А главное, что она скажет ему? Или что она должна сказать ему, чтобы...

Элиза с леденящим душу ужасом подумала, что не знает, чего же она хочет. Одно казалось ей ясным. Эта комната – клетка! И она пленница здесь! Элиза кинулась к двери и едва поверила, что её не заперли снова. Прихватив свою накидку, девушка толкнула дверь. Темнота коридора испугала Элизу. Девушка постояла немного, решаясь, и шагнула вперёд, привыкая к полумраку. В глубине коридора виднелись и другие двери, и девушка направилась в противоположную сторону.

Коридор заканчивался лестницей, ведущей вниз. Элиза перегнулась через перила, окидывая взглядом огромный обеденный зал. Несколько мгновений Элиза думала и сомневалась, не решаясь спуститься вниз. Она безумно боялась столкнуться с кем-то из разбойников. Её мало утешало то, что Джек обещал ей свою защиту.

Она уже знала горькую цену этого обещания. Но разве незапертая дверь не говорила о том, что бояться нечего? Элиза вдруг поймала себя на мысли, что стала верить Джеку. А что, если его слово ничего не значит для него, и ему будет безразлична её дальнейшая судьба? Элиза мотнула головой, желая отделаться от новых горьких размышлений. Она посмотрела назад, но мысль вернуться и остаться в комнате показалась девушке страшнее, чем попытка сделать что-

то. Под её обутой в башмачок ножкой скрипнула половица ступеньки. Элиза быстро сбежала вниз и оглядела огромный зал, посередине которого стоял длинный стол.

Взгляд Элизы оказался прикован к большому креслу с изумрудной парчовой обивкой. Кресло без малейшего сомнения принадлежало атаману. Как и этот дом. Как всё в этом доме. Как и она сама.

Элизу вдруг удивил порядок и чистота. Казалось, ничто не выдавало вчерашнего явно весёлого разбойничьего застолья. Несомненно, это потрудились Жан.

В огромном камине весело потрескивали дрова. Но это тепло казалось Элизе обманчивым и коварным. Оно не удержит её здесь! У Элизы отчаянно забилося сердце. Она распахнула дверь и тут же зажмурилась от порыва ветра. Холодный ветер заставил Элизу застегнуть шерстяную накидку.

Она с мрачной безысходностью оглядела частокол, оказавшийся ещё выше, чем она думала, закрытые ворота, грязный двор. До её слуха донеслось лошадиное ржание, и мысли Элизы о побеге вновь ожили. Но не успела она сделать и шагу на размытый после вчерашнего дождя двор, как перед ней возникли двое мужчин. Один из них, высокий и рыжебородый, подошёл ближе. Элиза чувствовала, как его прищуренный взгляд скользит по ней, словно раздевая и оценивая.

– И куда же ты собралась, красотка? – усмехнулся этот мужчина.

От него пахло перегаром и Элизе стало противно.

– Я вышла прогуляться! – заявила Элиза на удивление спокойным голосом, стараясь держаться гордо и достойно.

Ноги её едва держали, и Элиза не могла сделать ни шагу от страха. Ей внезапно захотелось оказаться взаперти в комнате наверху, подальше от этого огромного мужчины.

– Джек ничего не говорил о прогулках, – прогремел басом рыжий верзила.

– Может, поможем нашей птичке вспорхнуть обратно? – предложил молодой мужчина рядом с ним.

– А что, это мы быстро! – обрадовался такой мысли рыжий бородач.

Элиза отшатнулась в ужасе и чуть не упала, наступив на полу накидки.

– Отстаньте от госпожи графини! – раздался голос, и словно солнце показалось из-за туч, а с хмурых небес спустился ангел-заступник.

Представший перед её взором молодой мужчина казался немногим старше лет двадцати. Телосложением и ростом он был похож на Джека и даже так же изумительно красив и аристократичен. В остальном же казался его противоположностью.

Белокурые длинные волосы обрамляли его привлекательное лицо с тонкими, правильными чертами. Серые глаза с нежной братской заботой смотрели на Элизу.

– Немытое отродье, – чуть слышно бросил он в сторону двух сотоварищей.

– Не слишком ли ты много берёшь на себя? – поинтересовался рыжий, обменявшись взглядом с напарником, которому было всё равно.

– Джек поручил госпожу графиню моим заботам! – заявил светловолосый незнакомец.

Рыжий бородач в ответ расхохотался. Элизе захотелось даже зажать уши ладонями. Но хохот смолк, испугавшие девушку охранники отступились, оставив Элизу и её заступника.

– Вы желали прогуляться, сударыня, – вежливо напомнил ей спаситель, галантно предлагая руку, – смею заметить лишь, что на дворе грязно после дождя.

Элиза странно смотрела на опрятно одетого красивого блондина. Ещё какое-то мгновение назад он казался ей надеждой, спасением из этого логова. Но ведь он один из них, а, значит, такой же, как они. Ведь здесь не может быть ни одного порядочного человека, достойного доверия.

«Но разве похож он на разбойника?» – подумалось Элизе.

– Сударыня, так вы желаете прогуляться? – заново поинтересовался молодой мужчина.

– Теперь это приказ? – вскинулась Элиза.

– Сударыня, это я готов исполнить любой ваш приказ! Маркиз Андре де Брийон де Вильнёв к вашим услугам, – галантно представился он. – Я друг Джека.

– Значит, такой же, как он! Как все здесь! – гневно заявила девушка, едва осознавая причины своей несдержанности.

Может из-за уверенности, что этот человек не причинит ей вреда? Андре с пониманием отнёсся к её словам.

– Сударыня, у вас есть полное право ненавидеть нас, но, поверьте, здесь есть и достойные люди, – возразил он ей.

– И это, конечно же, вы и Джек! – насмешливо выпалила она.

– Джек бывает вспыльчив и резок, но, в общем, он неплохой человек, – заметил Андре.

– Вас послушать, так здесь собрались благородные господа! Почему же тогда Джек не желает потребовать выкуп за меня?

Андре, видимо, не знал ответа.

– Сударыня, поверьте, если бы не смерть кучера, ничто не помешало бы вам продолжить ваш путь, – изложил он положение вещей. – Но Джек настоял, чтобы привезти вас сюда. Я был там и видел, что выбора не было. Я уверен, всё уладится.

Элиза помолчала. В чём-то Андре был прав, но ей упрямо не хотелось соглашаться. Если бы не её обморок, возможно, она уговорила бы Джека отпустить её. И верхом, быть может, она добралась бы обратно до Фонтэнэ, оставив ценности в качестве выкупа.

Она задумчиво, устало вздохнула. И решилась ступить на двор. Андре тут же оказался рядом. Элиза почти машинально положила ладонь на его руку.

– Что теперь со мной будет? Как думает поступить Джек? – негромко спрашивала она.

Андре догадывался и молчал.

– Можете не говорить, – со сдерживаемой ненавистью и раздражением сказала девушка. – Только не говорите, что не знаете, как он поступил со мной, – прошептала она, заливаясь жаром стыдливого румянца.

Молодому мужчине стало неловко. Элиза даже пожалела о вырвавшихся словах. Она почувствовала себя безнадежно опороченной, падшей женщиной, грязью под ногами.

– И я поняла, что здесь всё решает Джек. А ваше мнение не имеет никакого значения для него, – добавила она.

Андре чуть повернул голову. Элиза почувствовала, что её слова пришлись ему не по вкусу, задевая его самолюбие. Андре нахмурился. Увидев эту перемену, Элиза решила, что права.

– Он наш атаман, – только и ответил Андре.

Некоторое время они медленно шли молча. Влажный холодный ветер донёс запах хвои и Элиза с блаженством глубоко вдохнула.

– Из меня плохой собеседник, сударыня, – виновато произнёс де Брийон. – Но я уже долгое время не имел возможности общаться с другими равными себе. Вы были, увы, правы. Я теперь один из них, изгой, преступник, отребье общества. Без возврата к прежней жизни.

– Так вы не всегда были с Джеком, мсье де Брийон? – заинтересовалась Элиза.

Андре, казалось, был рад возможности рассказать о себе.

– Знаете, у моего отца был друг, которому он верил как себе. И когда родители внезапно скончались, его помощь и поддержка оказались так кстати. Слишком кстати. И не прошло и месяца, как я оказался в тюрьме, оклеветанный тем, кого считал частью своей семьи! Меня обвинили и в убийстве родителей, и в том, что задолжал все деньги и земли. Мне было семнадцать лет, но я оказался наивен как дитя, веря, что суд докажет мою невиновность. Нашлись и ложные свидетели, и поддельные бумаги. А под пытками я и сам сознался во всём, что требовали. Лишь бы скорее закончился этот фарс и эти мучения. Моя голова уже лежала на плахе под лезвием топора, когда я получил помилование и был сослан на каторгу. Но в тот день я всё равно умер. Желаете взглянуть на следы от кандалов? – попытался пошутить он.

– Андре...

– Простите, я не умею развлечь даму...

– Значит, так вы попали к Джеку?

– Без преувеличения сказать, он спас меня.

Элиза посмотрела на молодого мужчину. Было заметно, что воспоминания дались ему не без труда и были до сих пор мучительны. Ей даже показалось, что где-то в глубине души в нём кипит ненависть к своему клеветнику и желание отомстить.

– Я не могу говорить за всех, но я, если потребуется, отдам за него жизнь! Вы просто не знаете его так, как знаю его я, сударыня! Джек самый благородный и справедливый из всех,

кого я знал.

– А вы многих знали, мсье де Брийон? – снова разозлилась Элиза. – Вас послушать, так он просто ангел!

Андре хмуро покосился на девушку, пытаясь её понять.

– У ангелов много обличий, мадмуазель Элиза, – назидательно произнёс де Брийон. – Вспомните хотя бы херувимов с огненными мечами у ворот Эдема. Вспомните да хоть самого Люцифера. Он был ангелом когда-то, – напомнил он ей.

– Пока не восстал против Бога! – торопливо перекрестилась она.

Может, ей теперь самое место здесь, во власти падшего ангела?

– Мы идём не против Бога, – возразил девушке Андре.

– Но против законов божеских и людских!

– Людские законы придумали богачи, обирающие простой народ!

– Вы сами, мсье, не забывайте, один из них! Из нас, дворян и аристократов!

– Сударыня, а я побывал за решёткой, в кандалах и был невиновен в отличие от многих других, заслуживавших наказания!

– Хотите сказать, вы и сейчас невиновны ни в чём?

Андре помолчал.

– Вы преступник, сударь! – заключила она.

– Теперь это так, – поневоле признал молодой мужчина. –

И всё же мы ничем не хуже тех, кто обдирает народ налога-

ми!

– Но убийство, сударь! Убийство нельзя оправдать ничем!

– Если бы вы знали, как вы правы, сударыня! Но иногда правосудие должно вершиться и на земле!

Элиза решила, что в словах Андре бурлит желание отомстить за сломанную судьбу. И не нашлась что возразить. Разве её собственная судьба не была поломана вчера по воле одного из этих мужчин?

– Так вы друг Джека, мсье де Брийон? – спросила она, обретя новое течение мысли и подсознательно не желая спорить с Андре.

– Смею верить, что имею такую честь называть себя его другом, – подтвердил свои слова Андре.

– Вместе бежали с каторги? – продолжала интересоваться Элиза с тенью презрения.

– Я разочарую вас, сударыня. Я не успел потрудиться в тех каменоломнях, куда был сослан, – отвечал он, догадываясь, что спрашивая о нём, девушка хочет узнать что-то и о Джеке. – Богу было угодно, чтобы Джек напал на конвой, сопровождавший именно тех заключённых, в числе которых был я.

– И вы добровольно присоединились к его шайке? – недоверчиво спросила Элиза.

– Вас это удивляет? А я в тот момент не видел иного выхода. Возможно, этого не понять тому, кто не оказывался на краю бездны, без надежды на спасение.

Но Элиза понимала его. Ей даже казалось, что она пони-

мает, почему он до сих пор якшается с разбойниками.

– И вы стали называть своим другом деревенского мужлана? – продолжала Элиза.

Андре захотелось рассмеяться. Не морочит ли его девушка? Но такой красавице можно простить многое.

– Элиза, – с лёгким упрёком произнёс он, – я не верю, что вы не догадались, что Жак...

– Жак? – быстро переспросила девушка.

– Он настаивает на имени Джек, говорит, так назвала его мать-англичанка. Но я почему-то уверен, что половина из того, рассказывает о себе Джек – выдумка.

– Значит, он ещё и лжец, – сделала вывод девушка.

– Сударыня, – назидательно ответил Андре, – вы так юны, но неужели вам никогда не приходилось лгать не из прихоти, не по злему умыслу, не ради выгоды? А просто потому, что необходимо скрыть правду.

– Я всё же стараюсь не лгать, – призналась девушка, – особенно, если можно промолчать.

– Молчание тоже может стать ложью, – рассудил молодой мужчина. – А в остальном же я не знаю человека честнее Джека, – договорил Андре.

Элиза печально усмехнулась.

– Значит, он сдержал бы свою угрозу отдать меня на потеху вашей шайке преступников? В этом его благородство, по-вашему? – вспыхнув от бессильного гнева, спросила его девушка.

От воспоминаний щеки Элизы вспыхнули стыдливым румянцем. И, несмотря на прохладу, она почувствовала жар во всём теле.

Андре казался растерянным, смущённым, и он молчал.

– И он всегда добивается своего, не так ли? Может, желаете воспользоваться его отсутствием, мсье де Брийон? – бросила она незаслуженный упрёк.

Элиза резко развернулась и направилась к дому, дрожа от возмущения и пронзающего до костей холода. Андре догнал её, распахнул перед ней дверь.

– Вы просто не знаете Джека! Он может быть груб, несдержан, но, поверьте...

– Мадмуазель Элиза! Господин Андре!

К ним радостный подбежал Жан. И Андре не договорил. Элиза же направилась к лестнице, не обращая внимания на парнишку.

– Я провожу вас, Элиза, – предложил Андре.

– И запрёте меня на замок? – бросила она через плечо, не обратив внимания, что молодой человек позволил себе назвать её просто по имени, как равную.

Андре лишь поклонился слегка.

– Господин Андре! Мадмуазель Элиза просила принести её вещи, но я не знаю, куда их унесли...

– Что? – вынужден был переспросить Андре.

Жан повторил сказанное

– Я займусь этим. Пойди, спроси, не желает ли мадмуазель

ещё чего-нибудь.

Жан охотно кинулся следом за девушкой. Та растерянно стояла посреди комнаты, не успев снять даже накидку.

– Может, желаете горячей воды?

– Да, да, – рассеянно ответила Элиза.

Она снова чувствовала себя словно в клетке. Даже в монастыре она не чувствовала себя такой пленницей, ведь она знала, что вернётся домой.

Глава 5

Покинув своё лесное логово, разбойники разделились на два неравных отряда и разъехались в противоположные стороны. После вчерашнего нападения Джек был против новой вылазки, но ему поневоле необходимо было знать, начаты ли поиски девушки, или у него есть ещё хоть день.

Жильбер, в отличие от своего атамана, не желал пока осторожничать и даже нашёл себе как всегда сторонников. Джек даже не возразил. Оставшись в меньшинстве, он направил коня в сторону владений Фонтэнэ. Мучившиеся похмельем мужчины были рады предложению Джека завалиться в знакомый трактир, где был уговор встретиться, и чей хозяин был их доверенным лицом.

Погода была лишь немногим лучше вчерашней. Жильбер ругался на чём свет стоит. За его спиной недовольно переговаривались о том, что было бы лучше пить сидр в трактире и

обглаживать жареную каплуную ножку вместе с остальными.

Злой как сотня чертей, Жильбер повернул гнедого жеребца обратно. С лёгким, но плохо скрываемым раздражением, он заметил, что люди Джека гораздо бодрее и довольнее своим решением.

– Возвращаемся!

И Жильбер пожалел, что не успел это предложить прежде, чем Джек принял это решение. Он лишь промолчал и повернул коня, поравнялся с Джеком, но тот словно уже и не слышал и не замечал, что Жильбер пытается советовать по какой дороге ехать.

Джек не проронил ни слова в ответ, и Жильбер, скрипнув зубами от злости, досадливо отступился. Атаман не замечал никого из них и даже дороги не видел. Умный Рейвен сам свернул в нужную сторону, скорее желая оказаться в тёплом стойле с кормушкой полной овса. Джек едва держал поводья, позволяя вороному жеребцу бежать рысью. Перед своим мысленным взором Джек видел лишь светловолосую Элизу.

«Чёрт бы меня побрал! Что за наваждение! Элиза! Зеленоглазый мой ангел! Милая моя девочка! Дождись меня!» Джек начинал сходить с ума от беспокойства. Не обезумел ли он от любви, словно мальчишка?

«Зачем ты сводишь меня с ума, сердце моё? Ты стала нужна мне как воздух! Но быть с тобой каждую минуту ведь я не могу!» И Джек словно задыхался, всем сердцем стремясь обратно. Отчасти он был спокоен за безопасность девушки,

поручив её охрану Андре де Брийону, душевное благородство которого восхищало даже самого Джека. И в молодом друге Джек был уверен как в самом себе.

Какой же чертовски долгий день! И снова этот отвратительный морозящий дождь! Джек почти не замечал его, вспоминая события сегодняшнего утра.

Все только и ждали, когда Джек спустится сверху, чтобы, возможно, похвастаться победой. Джек старательно игнорировал недвусмысленные ухмылки и перешёптывания. И молчание атамана заставило хмельных мужчин держать языки за зубами.

Всем ещё и вчера было ясно, что атаман оставляет девушку только себе, как часть добычи. Но кое-кому стало ясно, что неспроста их охочий до подробностей атаман молчит теперь. Ведь не простую девку под себя подмял!

– Всем собираться в дорогу! – заявил Джек и вскинул руку, призывая оставаться на месте. – Я ещё не договорил. И я обращаюсь ко всем! Госпожа графиня теперь моя невеста и будущая жена. Кто тронет её хоть пальцем, может считать себя покойником. Морис, Пьер, вы остаетесь здесь. Любое пожелание графини исполнять как моё! Но из дома не выпускать. Всем всё понятно?

Но, даже получив утвердительные ответы, Джек не успокоился. Нахмурившись, он задумался и, поманив к себе Андре, поговорил с ним наедине.

– Прошу тебя как друга, как брата, Андре! Тебе одному я

могу поручить личную охрану мадмуазель Элизы! Даже когда я рядом. И тем более, когда меня не будет с ней. Поклянись мне, Андре! Не позволяй никому обидеть её! – потребовал он.

– Клянусь тебе, Джек! Не пожалею жизни за госпожу Элизу, – воодушевлённо откликнулся Андре.

– Я знал, что могу доверять тебе!

Джек порывисто обнял молодого человека, благодарный ему до глубины души. Со спокойным сердцем кареглазый атаман покидал форт и спящую Элизу.

– Так неужели мы вернёмся с пустыми руками? – бросил как вызов Жильбер.

– Тебе никто не мешал вернуться с добычей, – возразил ему Ришар, вполне довольный проведённым в трактире временем.

Но вопрос всё же достиг ушей Джека. Разозлившись, он придержал коня.

– Дик! – обратился он к Ришару. – Передай тем, кто не слышал, что мы возвращаемся!

– Джек! Да тебе просто не терпится оказаться в объятьях своей красотки! Верно я говорю? Что ж ты вообще сбежал от неё? – захохотал Жильбер.

– Если хочешь, можешь оставаться ночевать здесь, – прорычал Джек, злой оттого, что Жильбер прав. – Может, кто-то хочет присоединиться к нему? Тогда в форт можете не возвращаться!

– Нет, Джек, мы с тобой! – крикнул Серж, желавший, чтобы со спором было поскорее покончено.

– Да, Джек, на этот раз мы с тобой, – подхватили те, кто уезжал с Жильбером.

Серж отметил, что Джек снова приложился к фляжке с вином и впал в прежнюю, но уже мрачную задумчивость. Молодому человеку казалось, что он может догадываться о мыслях атамана. За их спинами снова шептались о возможном выкупе за девушку, споря, возможно ли это после сказанного Джеком утром. Сам Серж для себя решил, что будет на стороне Джека, какое бы решение тот ни принял.

Джеком же снова завладело волнение за девушку. Почему он не наказал Жану запереть её в комнате? Почему не остался с ней?

Никто не мог и предположить, что Джек сейчас терзается угрызениями совести. Ведь все его намерения набраться терпения полетели к чертям, когда Элиза кинулась к нему сама, обвила шею руками и пообещала свою любовь. И Джек потерял голову!

Может, его безумие и было ему единственным оправданием. Как же ему хотелось поцеловать её утром! Но Джек не решился, боясь разбудить девушку, боясь взглянуть ей в глаза и увидеть там страх, ненависть, презрение. Что угодно, только не любовь. И он боялся этого предстоящего разговора с Элизой.

Может, испытывая вину, он потому и поспешил уйти от

Элизы утром, стараясь не потревожить её сон. Но чего же стоило ему покинуть её объятия, постель, согретую их ночной страстью! Джек поклялся бы жизнью, что не ведал такого чувства ранее. Он не был уверен в том, как вести себя с Элизой, и боялся ошибиться на своём пути к сердцу девушки. Ещё ни одна женщина не был ему так безмерно дорога. Его драгоценное сокровище! Его зеленоглазая красавица! Элиза! Как ему хотелось быть нежным с ней, чтобы видеть ответную нежность в её глазах! Но Джек не строил иллюзий относительно чувств девушки к себе. Джек терзался тем, что угрожал девушке, удерживает её силой.

Он оправдывал и утешал себя лишь тем, что, когда Элиза полюбит его, она останется с ним добровольно и уже не покинет его никогда.

«Пусть так, мой ангел! Пусть я удержу тебя силой! Но ты полюбишь меня!»

Рейвен заржал, подсказывая хозяину, что форт уже близко. Джек улыбнулся наконец. Он узнал от трактирщика всё, что тот мог сказать ему, и теперь ему оставалось только проклинать каждый сантиметр, всё ещё отделявший его от Элизы.

Джек с криком подхлестнул вороного жеребца, охотно ускорившего бег. И даже в звуках топота копыт ему слышалось желанное женское имя.

Атаман свистнул, чтобы открывали им ворота и чуть придержал Рейва. К нему подъехал Серж, чтобы потом принять поводья и отвести вороного жеребца на конюшню.

– Наши люди вспоминали о выкупе, – сказал он Джеку.

Тот молча взглянул на него, предлагая продолжать.

– Но как же тогда то, что ты говорил утром? Ты ведь хочешь оставить девушку себе, – с некоторой уверенностью спрашивал Серж.

– Да, хочу, – коротко подтвердил Джек.

– Но у девушки есть жених, – напомнил Серж то, что услышал в трактире.

Джек выгнул бровь и беспечно пожал плечами. Но ответил почти серьёзно.

– Был один жених – будет другой.

– Ты действительно женишься? – скорее удивился, чем не поверил Серж.

– Если пожелает дама, – слегка уклончиво ответил Джек. – Только болваны насильно тащат женщин под венец и, рассчитывая после этого на их любовь и верность, удивляются, что у них растут рога!

Серж позволил себе улыбнуться вслед за Джеком. Джек так часто оказывался прав, что временами они готовы были любое его слово воспринимать как истину.

Все они сошлись вчера во мнении, что их красавцу атаману отказать невозможно. Спорили лишь о том, кинулась ли девица к нему сама, или Джеку пришлось уламывать стыдливую девственницу. Большинство, к которому присоединился и Серж, придерживались второго мнения и не раз в прошлую ночь пили за победу Джека. Тот спешился, кинул по-

водья Сержу. Но недовольно фыркнул Рейвен, и Джеку пришлось обернуться.

– Ворон! Тебя я тоже люблю, – погладил он его лоб. – Или тебе тоже хочется подружку?

Жеребец заржал, ударил копытом, кивнул головой, словно подтверждая эти слова, и оба мужчины рассмеялись.

Элиза лежала на аккуратно застеленной ею кровати и, вспоминая разговор с Андре, размышляла на его словах. Как это, должно быть, ужасно быть несправедливо осуждённым! Что же удивительного, что Андре так защищает Джека! Но он для неё будет дьяволом, погубившим её!

Элиза едва не вскрикнула, когда открылась дверь и вошли те двое мужчин, которые встретились ей во дворе. Они внесли сундук, но, поставив его на пол, воспользовались моментом, чтобы поглазеть на девушку.

Подтянув колени, Элиза смотрела на рыжего бородача, пытаясь вложить во взгляд всё своё презрение. Не слишком пристыженный Пьер ухмыльнулся и подтолкнул Мориса к двери, за которой стоял следивший за ними де Брийон. Элиза запоздало рассудила, что Жан, которого она просила принести её платья, уж конечно же не смог бы притащить сундук. Но едва она кинулась к сундуку, как пришёл и Жан.

– Согрелась вода для вашей ванны, мадмуазель, – сообщил он, неся ведро.

Элиза хотела было отказаться, опасаясь, что внезапно вер-

нётся Джек. Но потом лишь горько усмехнулась и кивнула. Ей хотелось смыть с себя преследовавший её мужской запах. Запах Джека.

Элиза откинула крышку сундука и стала перебирать платье. На самом дне оказалась нетронута шкатулка с драгоценностями её матери. Не заступничеством ли Джека, вернувшего вчера в сохранности её саквояж? Элиза достала из шкатулки ладанку с изображением Девы Марии и вознесла благодарственную молитву за того, чьими заботами ей всё это возвращено. Она машинально поблагодарила Жана, наполнившего ванну горячей водой. Не решив ещё в какое платье переодеться, Элиза достала чистую сорочку и пару кусков ароматного мыла с лавандой и вереском.

Элиза вымыла волосы и нежилась в ванной, пока вода не начала остывать. Наскоро одевшись и отжимая воду с отяжелевших волос, Элиза успокоено вздохнула.

Она одела молочно-белое платье с неглубоким округлым вырезом и пышными короткими рукавами, повязала широкий парчовый пояс.

Уже темнело. Не найдя чем зажечь свечи, Элиза кликнула Жана. Тот пришёл, выслушал просьбу девушки и вскоре вернулся с новыми свечами, зажгёт их, развёл огонь в камине. Вдвоём они чуть оттащили сундук в сторону.

Элиза стала сушить волосы, стоя у камина, а Жан так же ведрами выносил остывшую мыльную воду из ванны. Обувшись в домашние туфли, нашедшиеся в сундуке, Элиза за-

чарованно смотрела на разгоревшийся огонь. Но раздался свист, конский топот и ржание. Элиза распахнула заботливо прикрытые Жаном ставни.

– Джек! – только и сказала она, тут же узнав его среди прочих.

Сердце забилося, отсчитывая удары. Но Элиза глубоко вздохнула и, медленно выдыхая, гордо вскинула подбородок. Она не хотела бояться.

Джек взбежал по лестнице, толкнул дверь, не успевая подумать, что этим испугает девушку. Едва сдерживая порыв сжать Элизу в объятьях, он перешагнул порог.

Но, успев заметить, как метнулась в страхе девушка, не сделал дальше ни шагу.

– Вы разве не рады меня видеть, сударыня? – небрежно поинтересовался он и неспешно прошёл к буфету.

– Я затрудняюсь с ответом, мсье, – искренне и растерянно произнесла девушка. – Я ждала вашего возвращения, но...

– Да неужели? – изумился Джек, прервав её.

– Представьте себе, да! – выпалила Элиза.

Джек, подумывавший откупорить бутылку вина, вдруг замер, только сейчас заметив, что вчерашняя недопитая бутылка пуста. Джек задумался, перестав слышать девушку. Неужели не столько страх, сколько всего лишь вино толкнуло Элизу в его объятия? Какой же он самонадеянный болван! Но и ошибиться в девушке он не мог! Не мог!

– Так какой же вы потребуете выкуп, мсье? – повторила она.

Джек наконец услышал её.

– Я ещё не решил, мадмуазель, – уклонился он от прямого ответа. – Надеюсь, вам хорошо спалось? – вежливо поинтересовался он, меняя тему разговора.

– Неплохо, мсье, – призналась Элиза.

– Я приказал вас не будить и не беспокоить, – нежно улыбнулся он, подходя ближе.

– Ваше приказание исполнили, – подтвердила девушка. – Тем не менее, пробуждение было ужасным, – не сдержалась она.

– Что же случилось? – насторожился Джек, воскрешая в памяти все свои опасения.

Он протянул руку, чтобы коснуться девичьей щеки, но Элиза отшатнулась, словно он хотел её ударить или заклеить раскалённым железом.

– Так что же случилось? – повторил он, уже требуя ответа.

– Вы, мсье! – выпалила Элиза, глядя в тёмные глаза мужчины.

– Но что же я сделал? – не понимал Джек.

Элиза на мгновение онемела.

– Вы обесчестили меня! – возмутилась она, бесстрашно набрасываясь на Джека.

Джек не собирался отрицать. О содеянном он не сожалел. Джек расплылся в улыбке, показавшейся Элизе поис-

тине дьявольской.

– И сделал это, поверьте, с величайшим удовольствием, – заявил он абсолютно честно, и едва ли не раскланиваясь.

– Значит, вам нравится насилловать девственниц? – бросила она ему в лицо обвинение.

Джек не мог припомнить, имел ли он прежде дело с девственницами. Но мог поклясться, что насильником он никогда не был.

– Смею вам напомнить, сударыня, что вы сами бросились мне на шею, – возразил он.

Элиза вспыхнула от стыда. Или он не прав?

– Может, я и в любви вам клялась? – с издёвкой поинтересовалась она.

Джек изобразил сожаление.

– Нет, дорогая моя, – признался он, – твоё признание я ещё надеюсь услышать.

– Вы его не дождётесь, мсье! – возмущённо заявила Элиза.

– У меня впереди вся жизнь. Я подожду, – уверенно сказал Джек.

– Я и за всю жизнь не скажу вам этих слов! – не менее уверенно и упрямо сказала она. – Потому что вы дьявол, мсье!

– Я приму это за комплимент, мадмуазель, – улыбнулся он своей соблазнительной улыбкой, – но всё же меня зовут Джек!

– Значит, у дьявола стало одним именем больше! – сделала она вывод.

Джек взглянул ей в глаза. До чего же холодны были плескавшиеся в её глазах волны чувств. До него донёлся цветочный аромат с её кожи, и Джек едва совладал с собой.

Мужской взгляд скользнул по девичьим губам, изгибу шеи, округлостям обнажённых плеч, кромке кружев. Элиза обхватила себя руками, прикрывая грудь и плечи, и отвернулась. Джек осторожно коснулся её слегка влажных ещё, спутанных волос, которые доносили до него тот же цветочный запах.

– Лаванда, – вдохнув, произнёс он.

– И вереск, – добавила, чуть повернув голову Элиза.

– Скажите, мадмуазель, я настолько вам противен и неприятен, что вам понадобились все остатки вина, чтобы раскрыть мне свои объятья?

Ошеломлённая Элиза обернулась.

– Как вы смеете, мсье! После всех ваших угроз! То, что вы сделали, подло и отвратительно! И вы мне противны, если изволите знать!

– Это я и хотел узнать, сударыня...

Элиза испугалась его взгляда. Неужели она сказала правду? Ведь вчера Джек так чувствовал каждый раз, когда она пыталась солгать. Она уже хотела возразить, но распахнулась дверь. Элиза невольно обернулась.

– Какого чёрта?! – взревел Джек. – Де Брийон!

– Тебе лучше спуститься.

Элиза снова смотрела на Андре, как на своего ангела-спа-

сителя, пришедшего освободить её. Джек проследил этот взгляд, но промолчал.

Он стремительно зашагал через комнату, вытолкнул Андре и хлопнул дверью.

Джек окинул взглядом притихших с его появлением мужчин.

– Что ещё вы не можете без меня решить?

– Нам всем интересно, что ты собираешься делать с девчонкой, – заговорил Жильбер.

– Я всё сказал утром! Графиня де Бомон остаётся здесь. Почему из-за чьей-то глухоты я должен отказываться от её общества?

Жильбер чуть слышно выругался.

– Да ты, никак, завидуешь, Жильбер? Не про тебя пташка! Топчи деревенских курочек! – слышались советы.

– А что ты будешь делать, когда девчонку станут искать? – продолжал Жильбер.

– Вот тогда и будем думать! А сегодня мы будем веселиться! Жан! Тащи вино!

Джека охотно поддержали. Андре, готовый прийти на помощь другу, вздохнул спокойно. Но его беспокоила мысль, что с подачи Жильбера всё повторится назавтра.

Джек сел со всеми за стол и в одно мгновение помрачнел. Он пропускал мимо ушей шутки и опрокидывал стакан за стаканом. Андре попробовал вмешаться, но тот лишь отмах-

нулся. Джек злился и на Элизу и на себя. Гордости ему и самому было не занимать, а чужое чувство собственного достоинства его всегда восхищало.

Но ему вдруг захотелось чем-то отомстить девушке за ту боль, которую он чувствовал из-за неё, хотя и понимал, что вины Элизы тут никакой нет.

Ему нравилась её гордость. А главное, что это была не гордыня, не заносчивость, которые Джек презирал до глубин души. Но почему-то Джеку хотелось силой сломить волю и сопротивление девушки. Джек был достаточно умён, чтобы понять, что его избаловало общество доступных и продажных женщин, которые сами предлагали себя.

Он же похитил юную невинную девушку и держит при себе силой. Так с чего же он надеется, что Элиза сама бросится к нему? И на какую любовь к себе он надеется, угрожая её насилием? Страх и вино – вот что толкнуло её к нему! И больше ничего! Ничего, что он так желал в своей жизни, о чём возмечтал, увидев Элизу.

Но она, единственная женщина, которая стала ему нужна, стала ему дороже жизни, ненавидит и презирает его! И права в этом! Чёрт бы его побрал!

И, когда Джек поднялся из-за стола, он был чертовски пьян и дьявольски зол.

– Джек, оставайся с нами! Что тебе делать в таком состоянии наверху? – окликнули его.

– А где ему, по-твоему, спать? Под столом, как ты? – по-

следовал ответ.

– Кто же спит ночью, когда красotka греет постель? Может, ты?

Смех волной прокатился по залу. Но Джека это уже не волновало. Андре незаметно отправился следом. Он обещал оберегать Элизу.

И если понадобится, он будет защищать её даже от самого Джека!

На ослабевших ногах Элиза добралась до кровати и устало опустилась на ступеньку возвышения. «Будь ты проклят, Джек, если не видишь, что творится со мной из-за тебя»! – хотелось ей крикнуть, распахнув дверь.

До Элизы донёлся даже запах еды, но девушка, успевшая, впрочем, после купания съесть остававшееся яблоко, предпочла игнорировать просыпавшийся аппетит.

Она нашла в себе силы подняться, чтобы взять со столика гребень. И расчёсывая волосы, девушка на время забылась. Но гребень выпал из рук, когда от пинка сапогом распахнулась дверь, и в комнату ввалился Джек.

От него разлило дешёвой выпивкой, и вот теперь Элизе стало действительно противно до тошноты. Зачем он так с ней поступает?

Не потрудившись запереть дверь, Джек прошёл и рухнул в кресло, вытянув ноги в высоких ботфортах, запачканных высохшей грязью.

– Какой чертовски поганый день! – не сдержался Джек. – Но, может быть, вы, мадмуазель де Бомон, скрасите остаток вечера? Не желаете ли лечь спать пораньше, мадмуазель?

Элиза промолчала. Её пугала перспектива оказаться в постели с пьяным до неприязни мужчиной. Даже если этот мужчина Джек! Запах осеннего сырого леса и дождя, почти дурманящий, напоминающий о свободе, исчез с его одежды.

И Элиза морщила нос от кислого запаха вина. Что же заставляет Джека так вести себя? Он не казался сонным, и это заставляло девушку опасаться его.

Он болван, если думает, что, видя его в таком отвратительном состоянии, она изменит мнение о нём в лучшую сторону! Глупец, лжец, насильник и пьяница!

Элиза выпрямила спину, пытаясь быть готовой ко всему.

– Лично я бы сделал это с огромным удовольствием. Будьте тогда так любезны, мадмуазель, снимите-ка с меня сапоги!

Поднявшаяся на ноги Элиза стиснула кулаки. Это было возмутительно! В монастыре её приучали к смирению и труду, но таких унижений она не испытывала!

Вчера она поступилась лишь своей скромностью. Сегодня дело было в гордости! В гордости, которую она не позволит растоптать так же, как свою невинность!

– А вы становитесь послушной! – довольно улыбнулся Джек.

– Вы в этом так уверены, мсье? – скрестив руки на груди, храбро заявила Элиза, изнутри на самом деле дрожа от

страха.

– Сейчас и проверим, – хищно оскалился Джек, рывком поднялся с кресла.

Элиза успела лишь выставить вперёд ладони и упереться ими в мужскую грудь. Как же стучало его сердце от непритворной взволнованности! И этот взгляд!

Он снова лишал её воли, околдовывал и подчинял себе. Взгляд был ясным, цепким, глубоким, и Элиза даже подумала, что Джек пьян меньше, чем ей показалось.

Джек попытался поцеловать её, но Элиза смогла увернуться. Джек довольствовался подставленной щекой, стал целовать её шею.

– Такой ты мне нравишься, – шепнул он на ушко, вдохнув запах её волос.

Элиза выгнулась, отталкиваясь ладонями. Джек вдруг отпустил её, словно играя с ней. Отшатнувшись Элиза едва поверила своей свободе. Но тут же в неосознаваемом яростном порыве она кинулась на Джека. Тот действительно оказался не настолько пьян, чтобы не перехватить девичью руку, намеревавшуюся вlepить ему пощечину.

Джек снова оскалился.

– А такой нравишься ещё больше!

Он заломил ей руку за спину, заломил другую и прижал снова девушку к себе. Элиза снова прогнулась, рванулась из остававшихся сил, но лишь причинила себе боль и стиснула зубы, не сдержав стон. Девушка тряхнула головой, по-

смела взглянуть в глаза Джека. Но что, кроме безжалостной насмешки она надеялась увидеть в тёмном омуте мужских глаз? Ей показалось, что Джек наслаждается её болью.

Он и вправду не мог оторвать взгляда от её глаз, в которых плескалась и обида, и боль, и ненависть, и гордый, упрямый вызов ему!

И ни единой просьбы о пощаде! Нет, он не ошибся в девушке! Но поступая так с ней, он станет недостоин её любви!

– Ненавижу! – заявила она ему в лицо.

– Это прекрасно, – откликнулся он. – Прекрасно, что вы не умеете лгать, мадмуазель Элиза, – ослабил он хватку, а потом отпустил её.

Элиза слабо вскрикнула и стала растирать запястья, болевшие после дьявольской хватки Джека. Тот попятился, став вдруг неуклюжим, и наткнулся на сундук.

Успокоившийся было мужчина чертыхнулся.

– Какого чёрта здесь делает это барахло? – обернулся он к Элизе. – Ах, вот оно что, – ответил он сам себе, будто только сейчас замечая и оценивая взглядом белое платье Элизы.

Джек распахнул дверь.

– Морис! Пьер! – рявкнул он. – Брийон! А, уже здесь? – заметил стоявшего у стены молодого человека Джек. – Кто без разрешения был в моей комнате? – накинулся он на поднявшихся по лестнице двух мужчин.

Пьер и Морис переглянулись, понимая, что обвинение касается их.

– Де Брийон велел принести сундук, – спокойно ответил темноволосый Морис. – Это же для твоей пташки, – не понимал он и пытался заглянуть в комнату.

– Так это ты командовал в моё отсутствие, Брийон? – разыграл удивление Джек.

– Джек, ты же сам просил, – запнулся Андре.

– Пошли вон! – кинул Джек Пьеру и Морису.

Пьер усмехнулся в рыжую бороду, он был почему-то доволен тем, что Джек обрушил гнев на своего любимчика. А Морис обменялся взглядом с Андре, пытаясь его подбодрить. Элизе, не понимавшей негодования Джека, хотелось заступиться за молодого человека. Он был так любезен и вежлив с нею! И это он приказал тем двум принести её сундук. Раздумывая над словами, Элиза попыталась приблизиться.

– Тоже мечтаешь занять моё место, Андре? – спросил Джек, оглядываясь назад на Элизу.

– Нет, ты же знаешь! Я поклялся!

– Мсье де Брийон исполнял мою просьбу и ни в чём не виноват! – выкрикнула Элиза, подступив к мужчинам.

Она думала, что её близость отвлечёт и успокоит Джека, но он грубо схватил её за руку и втащил обратно в комнату.

– Помолчите, мадмуазель! И не мешайтесь, сделайте милость.

Андре метнулся за ними.

– Оставь её Джек! Ты пугаешь её! Ты пьян и ведёшь себя недостойно!

Джек перевёл взгляд с Элизы на Андре и снова посмотрел на девушку. То, что он видел, нравилось ему всё меньше и меньше.

– Значит, ты у нас самый благородный здесь? – едко поинтересовался Джек.

«Проклятье! Да что творится с ним?!»

– Джек, ты пьян, – спокойно повторил Андре.

– Ни черта я не пьян! – взревел Джек. – А теперь пошёл вон с глаз моих, – процедил он сквозь зубы. – Убирайся отсюда!

Побледневший от оскорбления Андре едва осмелился взглянуть на Элизу. Ему было стыдно оставлять девушку с Джеком, исполняя унижительный приказ.

Но Элиза чуть заметно кивнула ему и отвела взгляд. Ей было больно за Андре, что он, связанный чувством долга и дружбы, не может ответить атаману.

Джек с грохотом захлопнул дверь и задвинул засов. Хмель будто и вправду начинал проходить. Его медленные шаги были твёрдыми и чёткими.

Элиза с ужасом наблюдала, как он приближается. В комнате воцарилась пугающая тишина. Джек снова рухнул в кресло. Элиза осталась стоять рядом.

– Значит, ты уже и защищаешь его?

Элиза упорно промолчала.

– Почему ты защищала его?! – спросил он о том, что волновало его гораздо больше.

– Андре был вежлив и учтив! – выпалила Элиза.

– Андре?! – переспросил Джек. – Он был настолько учтив, что ты зовёшь его по имени?!

Элиза закусила губу, опустила глаза, не зная, что ответить на обвинения Джека.

– Что ещё он сделал для тебя, что ты так благодарна ему? – допытывался Джек, вспоминая её взгляд, устремлённый на Андре, и мокрые после купания волосы. – Смотри мне в глаза! Слышишь!

Элиза молчала, не желая оправдываться, но внезапная догадка поразила её. Неужели Джек ревнует? Она ошеломлённо посмотрела на него.

Джек изменился в лице. Перегнувшись через подлокотник, он схватил девушку за руку и рванул к себе. Потерявшая равновесие Элиза снова оказалась в объятиях Джека.

Его руки вцепились в её плечи и с неистовой силой грубо рванули рукава платья. Ткань затрещала, предательски обнажая для жадного мужского взора девичью грудь.

Элиза в одно мгновение поняла, что Джек намерен взять её снова даже ценой настоящего насилия. Он обхватил руками её талию, притягивая к себе.

Элиза же обхватила руками его лицо. Она решилась на уловку.

– Джек! – прошептала она сладко. – Джек!

Он взволнованно замер, не отводя взгляда от губ, произнёсших его имя. Её ладони заскользили вниз. По его шее,

его торсу и животу. Святые небеса! Она сводила его с ума!

В глазах Джека разгорался победный огонь, но губы Элизы озарила странная улыбка. Лёгкий металлический звон – и Элиза вырвалась из ослабшей мужской хватки. Улыбка на её губах сменилась гримасой ненавидящей злости. Джек внезапно расхохотался. Он продолжал пожирать глазами Элизу, сжимавшую в руках его дамасский кинжал. Как же она была прекрасна! Всё ещё испуганная и такая смелая!

Золотистые пушистые волосы прикрыли обнажённую грудь, губы были твёрдо сжаты, подбородок гордо вздёрнут вверх. А глаза! В них словно сквозь весеннюю листву сияло солнце! Джек шагнул вперёд.

– Не смей приближаться ко мне! – потребовала она с яростной злостью. – Не смей! – оскорблённая его смехом повторила Элиза, досадуя, что отступила в страхе. – Или я убью тебя! – заявила она твёрдо.

Элиза держала в вытянутых руках тонкий клинок и чувствовала себя как никогда сильной. Бледная и решительная она стояла посреди комнаты.

Гордая тем, что одержала верх над пленившим её мужчиной, она ещё не успела подумать о том, как поступит в следующую минуту.

Лишь поневоле смотрела на Джека, заставляя себя не дрожать и не отступать.

– Обожаю этот огонь в твоих глазах! Ну же! – поддразнил он, усмехаясь. – Позволь я помогу тебе!

Джек рванул ворот сорочки, стянул и отбросил её на пол.

– Не подходи! – предупредила Элиза.

– Или ты убьёшь меня? – снова усмехнулся Джек. – Это ведь так легко – убить безоружного!

– Ты будешь гореть в аду!

– И буду ждать тебя там! Неужели вы думаете, мадмуазель, что я боюсь смерти?

Джек раскинул руки крестом и шагнул ближе.

– Может ли такой человек, как я, за голову которого обещано вознаграждение, бояться смерти? – продолжал он говорить.

Ему хотелось сжать её в объятьях, даже если в его груди будет торчать его же собственный кинжал. Молодому мужчине снова как воздуха не хватало её поцелуев.

Джек сделал ещё шаг и остриё кинжала, направленное в сердце, коснулось его кожи. Руки Элизы предательски задрожали, а из-под кончика кинжала выступила кровь. Джек равнодушно посмотрел на тонкий закалённый клинок.

– Я буду счастлив умереть от твоей руки, моя драгоценная Элиза! – взглянул он девушке в глаза, высматривая в них своё отражение. – Смелее же, моя дорогая! Что же ты медлишь! Отомсти подлому разбойнику за все причинённые тебе страдания! – со смешанной с издёвкой болью произнёс он.

Элиза смотрела на Джека, смотрела ему в глаза. Куда девалась усмешка с его губ? Откуда эта боль во взгляде, эта безысходность в его глазах?

Элиза почувствовала себя в ловушке. Сил исполнить угрозу у неё не оказывалось, а напряжённо вытянутые руки предательски сгибались, подпуская Джека ещё ближе.

«Неужели ему всё равно? – не верила она. – Или он настолько уверен, что я этого не сделаю? И прав в этом, будь он проклят! Что же он со мной сделал?!»

От её ненависти и злости уже не осталось и следа. Всё таяло от жгучего чёрного мужского взгляда. Трепетно бьющееся сердце девушки начало замирать от неясного томящего чувства. От подступавших слёз стало больно.

Джек обхватил её запястья, и Элиза покорно выронила кинжал. Слёзы ознаменовали его окончательную победу. Джек обнял обессиленную Элизу, опустился вместе с ней на пол. Она посмотрела на Джека, и по её щекам потекли слёзы от беспомощности.

Но в глазах Джека не было торжества. Лишь нежность. Такая безмерная нежность, что не нашлось бы слов, чтобы выразить её.

– Прости меня, – зашептал он, глядя её мягкие волосы. – Прости! Не плачь! Не плачь, моя девочка! Я люблю тебя. Я так тебя люблю...

Элиза тихо плакала в его объятьях, долго не могла успокоиться. Джек терпеливо ждал, медленно и ласково глядя её по волосам. И заставлял себя забыть о том, что чувствует её обнажённую грудь. Элиза наконец посмотрела на Джека, ища в его взгляде подтверждение его слов. Джек склонился

к её губам.

Сердце Элизы встрепенулось. Жар волной окатил всё тело. Где-то внутри кольнула странная боль, заставившая Элизу изумлённо простонать. Она судорожно вцепилась в Джека, чувствуя, как закружилась от поцелуя голова, снова мутится разум.

Девушка не почувствовала, как оказалась на полу, со странной спокойной покорностью смотрела на Джека. В его руках оказался кинжал, и Элиза, словно жертвенный агнец повернула голову набок, подставляя шею. Но Джек всего лишь перерезал пояс её платья, не желая возиться с ним. Элиза слабо вскрикнула, не в силах помешать Джеку срывать с неё одежду. Подхваченная сильными руками, Элиза нежно приникла к покорившему её мужчине. Забылась, отвечая на его поцелуй. Джек потерял голову от её невинных и робких ответных поцелуев.

Лёгкая боль отрезвила Элизу, но из объятий Джека ей снова было уже не вырваться. И всё же она рванулась в отчаянной попытке бороться то ли с Джеком, то ли с самой собой. Но он всё понял. И Элиза купалась в его ласках, исступлённо цепляясь в его плечи, судорожно вздрагивая от сладкого томления. Он врывался в неё, как клинок в ножны, и ликовал, видя и чувствуя, что его золотоволосый ангел возносится в рай.

Элиза проснулась от лёгкого ощущения холода. Она зябко повела обнажившимися плечами, открыла глаза и приподняла голову.

Сквозь закрытые ставни уже струился лёгкий свет. Но необходимости вставать с постели никакой не было. И Элиза, тихонько вздохнув, попробовала осторожно потянуться. Было очень сложно не почувствовать присутствие мужчины рядом с собой, и Элиза стиснула зубы, подавляя рвущийся стон.

Джек безмятежно спал, повернув к ней своё лицо. Но что-то необъяснимое, трагическое было в выражении его молодого лица, в едва заметно залёгшей складке между широкими тёмными бровей, словно ему снился тревожный сон. Элиза осторожно приподнялась на локте, чтобы не скинуть покоившуюся на её пояснице мужскую ладонь.

Прикосновение было таким горячим, что, казалось, должно будет оставить отпечаток на её коже, словно клеймо. Девушка не осознавала, какое именно чувство влекло её любоваться этим мужчиной. Ни о страхе, ни о ненависти не могло быть и речи.

Элиза затаила дыхание, склоняясь над мужчиной. Длинная прядь густых чёрных волос упала на лицо спящего Джека. Девушка разглядывала тонкие, правильные черты его лица, едва сдерживая желание провести кончиками пальцев по его впалой, щетинистой щеке или по чёткому изгибу цело-

вавших её губ.

Элизу бросило в жар от воспоминаний. Ей бы следовало стгорать от стыда, но теперь сильнее и ярче вспыхнули чувства, испытанные от его ласк и близости с ним.

Она погибла! Окончательно погрязла в грехе! Или же у неё не было никакого шанса устоять перед яркой красотой этого мужчины и его дьявольским очарованием?

Нет, прав Андре! Джек не простолюдин. И тогда остаётся лишь гадать, какие несчастья заставили его встать на путь разбоя и грабежа.

После рассказа Андре девушке захотелось верить, что Джек тоже всего лишь жертва суровой судьбы, вынужденный приспособливаться к новой жизни любой ценой.

Элизе вдруг стало безумно жаль его. От нахлынувшей нежности затрепетало сердце. Неужели она несправедлива к нему? Но как он поступил с ней!

Она закрыла лицо ладонью. Она сошла с ума, околдованная карим взглядом лесного разбойника! Вчера она хотела убить этого человека, погубившего её честь, а сегодня пытается понять его!

«Пресвятая Дева! Прости меня, грешницу! Я вторую ночь сплю в объятьях этого мужчины! Почему я ещё не умерла от стыда и раскаяния? Если бы отец знал, если бы видел сейчас, он бы убил меня собственными руками, проклял и отрёкся!»

Мысли об отце заставили сердце девушки сжаться в ледяных когтях страха. Она резко села, скинув с себя руку Дже-

ка, и тут же испугавшись, что разбудила его.

Но Джек по-прежнему спал. В душе девушки было смятение. От чувства вины ей захотелось умереть. Почти бессознательно девушка поднялась с постели и, не в силах пока сделать ни шагу, обхватила резной столб кровати. Прояснившимся взглядом она обвела полутёмную комнату, пока не увидела лежавший на полу кинжал.

Дрожа всем телом от страха и холода, она сделала несколько шагов, упала на колени и схватила рукоять кинжала. Где же теперь взять силы совершить задуманное?

Ведь самоубийство – смертный грех! Её тело будет погребено под камнями, и ни один священник не отпоёт молебен за упокой её грешной души.

«Но я должна понести наказание за свой грех! Расплатиться за свой позор! Пресвятая Дева! Дай мне сил! У меня только два пути! И если мне не суждено замолить свой грех в монастыре, прости мне мой последний грех!»

Элиза вспомнила, как монахини говорили о том, что души самоубийц забирает дьявол, и им нет ни покоя, ни прощенья. Девушка обернулась и горько усмехнулась. Разве она не отдала уже свою душу дьяволу? Чего ей бояться ещё?

Но вот Джек пошевелился, приподнимая голову, откидываясь на спину. Элиза замерла в ожидании, думая, что Джек проснулся и смотрит на неё. И решилась.

Она обреченно поднялась с колен. Нашла и надела свою длинную батистовую сорочку, накинула бархатный халат, ле-

жавший в сундуке.

Зажав в ладонях дамасский кинжал, Элиза медленно приблизилась к изножью кровати. Джек спал, но казался девушке цербером на пути к её свободе и спасению.

Элиза занесла руку с кинжалом и взглянула на тонкое острое лезвие. Один взмах дамасской стали – и её несчастьям придёт конец. Один взмах кинжала – и она отомстит за своё бесчестье.

Она готовилась покончить с жизнью, и отправить свою душу в ад. Но забрать с собой чужую душу? Вчера она оказалась на это неспособна. Так что же изменилось сейчас?

Джек что-то прошептал во сне, и Элизе послышалось её имя. Она недоверчиво посмотрела на спящего мужчину, переводя взгляд снова на лезвие кинжала.

Это ли последнее средство, чтобы отомстить атаману? Нет, её месть будет другой. Поистине женской. Страшнее удара кинжалом. Но только не сейчас, когда он так беззащитен! Её собственные горести снова стали меркнуть, словно была ещё надежда на чудо.

Джек пробуждал её любопытство, и Элизе расхотелось умирать, не узнав всех его секретов. Смерть снова пугала своей неизвестностью и муками ада. И недавнее желание умереть казалось теперь Элизе далёким, страшным и даже нелепым сном.

Какой бы ни стала её теперешняя жизнь, самоубийство – ещё больший грех, чем все совершённые ею. Её тянуло ско-

рее вернуться в постель к мужчине, который согрел бы её в объятьях. Она не могла объяснить причины этой нежности к Джеку, вновь рождавшейся в её душе. И попросту боялась найти верный ответ. Она наконец смогла разжать пальцы, сведённые судорогой, и выронила на пол кинжал. Скинула на пол халат.

Посомневавшись немного, сняла с себя и ночную сорочку. Ей казалось невыносимым теперь лечь рядом с Джеком, но это было таким искушением!

Элиза осторожно скользнула под одеяло и улыбнулась, видя всё ту же прядь волос, упавшую на лицо спящего мужчины. О, каким был этот взгляд! Джек отдал бы всё, чем владел, свою жизнь и даже душу за одно мгновение любви и нежности в её изумительных глазах! Не удержавшись на этот раз, она склонилась над ним, отвела пальчиками шелковистую прядь, коснулась его лица. Её взгляд задержался на его губах, и, подчинившись внезапному порыву, она поцеловала Джека.

На мгновение ей захотелось, чтобы он проснулся от её поцелуя, и, несмотря на это непривычное разочарование, на душе у Элизы стало очень спокойно и легко.

Она положила ладонь поверх его груди, ощущая неторопливое биение сердца, и вскоре так же безмятежно спала.

Джек никак не мог догнать мчавшуюся впереди карету. Дождь с ветром хлестали в лицо, но Джек упорно подгонял Рейвена. Жеребец охотно ускорял бег, разбрызгивая копытами дорожную грязь. По окрестности леса разнёсся атаманский свист, лошади, заржав, взвились на дыбы. Карета остановилась. Слетев с Рейвена, Джек распахнул дверцу экипажа, но салон был пуст и чёрен, как кошмар, в который он погружался.

– Элиза! – выкрикнул он изо всех сил.

– Джек! – сладко и нежно раздалось вдруг за его спиной.

Элиза сидела верхом на вороном Рейвене в объятьях какого-то мужчины.

– Де Брийон, ублюдок! – взревел Джек, когда мужские черты лица обрели для него чёткость.

– Джек, неужели ты думал, что я выберу тебя, а не благородного Андре? Тебя так легко обмануть!

– Ты просто болван, Джек! – добавил Андре.

Они оба засмеялись, и в их смехе почудилось что-то чужое, словно такое уже было раньше. Джек выхватил пистолет и выстрелил в насмехающиеся над ним лица.

От грохота выстрела лес куда-то исчез. Джек очутился в своей постели. А на коленях посреди спальни стояла сама святая Агнесса, молившаяся Господу.

Золото её волос, потемнев в сумраке, окутывало её, скрывая от мужского взора девственную наготу девушки. Джек забыл, что нужно дышать, и не мог оторвать взгляда от со-

вершенной красоты юной девы. Девушка посмотрела на него так, словно он был одним из её мучителей и палачей.

Но тут же её посветлевший взор осветился такой любовью и прощением, что Джеку захотелось пасть перед ней на колени и молиться на неё.

Что-то не давало Джеку сдвинуться с места, словно все его прегрешения встали перед ним невидимой, но непреодолимой стеной. И всё же он протянул к ней руку, не боясь от прикосновения упасть замертво.

В одно мгновение юная святая оказалась у возвышения изножья, облачённая в белые сияющие одежды, в её руках блеснул кинжал. И у Джека замерло сердце.

Его святая Агнесса оказалась Элизой!

– Зачем ты мучаешь меня, если действительно любишь? Зачем не хочешь отпустить? – печальным нежным голосом спросила она.

– Покарай меня, мой ангел! – покорно ответил Джек.

Но Элиза протянула к нему руку, коснулась его щеки.

– Я люблю тебя.

Джеку, конечно же, не хотелось просыпаться. Но этот сладкий, странный сон таял, и Джек из тёплых и любящих объятий, пригрезившихся ему, с головой окунулся в ледяную воду. Знакомое чувство похмелья заставило его пожалеть о выпитом вчера сверх меры вине. «Чёрт побери! Нельзя так напиваться, – думал он про себя, – только не при ней». Протирая глаза, Джек сел на постели. Разбросанная на полу

одежда заставила его задуматься над событиями прошлого вечера. Что же он натворил вчера?

Джек был уверен, что помнил всё случившееся. И ему было за что просить прощения у Элизы. Его не слишком удивило то, что она, одетая и причёсанная стоит у приоткрытого окна. Видимо, он спал непозволительно долго.

– Кажется, нам нужно поговорить, мадмуазель, – произнёс он осипшим голосом.

Голова гудела. Мысли терялись.

– Извольте сначала одеться, мсье! – не оборачиваясь, сказала она высокомерным, холодным тоном. – Я знатная дама! Так извольте же соблюдать приличия в моём присутствии! Если желаете рассчитывать хоть на каплю моего уважения.

Джека это внезапно развеселило.

– Нам определённо надо поговорить, – сделал он вывод из поведения девушки.

– Не раньше, чем вы протрезвеете, мсье, – твёрдо возразила она, одаривая его полыхающим ненавистью и презрением взглядом, которого так боялся Джек, – ваш пьяный бред вчера был отвратителен!

Джеку стало не до смеха. Элиза направилась к двери, едва смотря на него. Джек метнулся, схватил её за руку.

– Снова ненавидите меня? – спросил он как можно беспечней.

Элизе стоило невероятных усилий отреагировать должным образом, награждая его ледяным взглядом.

– Не льстите себе, мсье! Я презираю вас, – выплеснула она всё высокомерие, на которое была способна.

– Неужели вы научились лгать, мадмуазель? – пробормотал Джек.

– А вам нравится пользоваться своей мужской силой и тем, что я всего лишь женщина, едва способная дать отпор? Весьма похвально, мсье, – сделала она вывод, пытаясь освободить руку из тисков его пальцев.

Удивлённый её поведением, уязвлённый Джек выпустил её запястье.

– Я не позволял вам выйти из комнаты, мадмуазель Бомон! – опомнился он, когда скрипнула дверь.

– А я не нуждаюсь в вашем разрешении! – заявила девушка, с каким-то особым наслаждением проявляя непокорство.

Но самообладание покинуло её уже спустя мгновение, и Элиза вцепилась в перила лестницы. Девушке не верилось, что ей удалось вести себя так, как задумала.

Она не была уверена, что выбрала верную тактику. Но другого способа оттолкнуть от себя Джека она пока не могла придумать. Элиза даже не удивлялась, откуда в ней эта способность к высокомерию. Она дочь своего отца! И ей следовало бы вспомнить об этом с самого начала, едва распахнулась дверца её кареты. А теперь уже поздно. Слишком поздно. Элиза не сразу почувствовала чьё-то близкое, но ненавязчивое присутствие. Она настороженно обернулась и не сдержала вздоха облегчения, узнав Андре.

– Мадмуазель Элиза.

Она протянула руки и прильнула к мужской тёплой груди, удивляясь, откуда в ней желание оказаться в ещё чьих-то объятьях. Андре обвил рукой её талию.

– Андре.

В её голосе не было даже отзвуков того высокомерия, которое она демонстрировала Джеку. Андре должен стать её другом и союзником, если она желает сбежать.

– Что он сделал с вами? – пробормотал молодой мужчина, чувствуя, что девушку сотрясает дрожь.

Элиза попыталась отстраниться, чтобы посмотреть на Андре.

– А что может мужчина сделать с женщиной, находящейся в его власти? – горько усмехнулась девушка.

Андре не был наивен и недогадлив. Он не верил в то, что Джек способен к насилию над женщиной. Но ещё вчера из слов девушки Андре сделал вывод, что Джек овладел ею путём угроз.

– Простите меня!

Упав на одно колено, Андре прижался лбом к парчовому корсажу её платья.

– Вас? За что? – искренне удивилась девушка.

– Я смалодушничал вчера. Я не должен был оставлять вас одну с ним. Джек поручил мне охранять вас и защищать. Но сам себе я дал слово оберегать вас даже от него. И если вы станете презирать меня...

– Вы исполнили приказ, Андре, – рассудила девушка.

– Это был не приказ! А пощечина! Я должен был послушаться! – стиснул зубы Андре.

Элиза протянула ему ладони, которые молодой человек расцеловал. Ей показалось очень важным то, что Андре был готов послушаться своего друга и атамана.

– Я не виню вас ни в чём, – заговорила она. – Но если вам нужно моё прощение, я вас прощаю, – говорила она тихо. – Только уведите меня отсюда.

– Но куда, мадмуазель?

Элиза глянула вниз через перила.

– Выбор не так велик, не так ли, мсье?

– К вашим услугам, – склонил он голову, галантно протягивая девушке руку.

И Элиза, сдерживая дрожь и пытаясь с ней справиться, торопливо размышляла. Попытаться очаровать тех мужчин казалось ей легче, но вместе с тем рискованней.

Но не проще ли именно за кокетством спрятать страх, если тот прорвётся наружу? Боясь показаться Андре притворщицей, Элиза решила вести себя с вежливым достоинством. Ей не долго пришлось ждать всеобщего внимания, жадных мужских взглядов и любопытства.

– Приветствую вас, господа, – произнесла она негромко, но твёрдо.

Элиза ждала громоподобного смеха, но повисла тишина.

– Да это же пташка Джека! – пробасил Пьер.

– Садись с нами, крошка! – предложил Морис.

Но Элизе, которую охранял Андре, доставило удовольствие сесть в изумрудно-парчовое кресло атамана, из любопытства наблюдать потом реакцию Джека. Никто не возражил.

– Что же ты выпорхнула из гнёздышка, пташка? – любопытствовали все.

– Джек изволит храпеть, а это ужасно невежливо после того, как он всю ночь не давал мне сомкнуть глаз, – нашлась что ответить девушка, величественно восседая в кресле.

– Бьюсь об заклад, что он не давал ей сомкнуть и кое-что другое! – раздался смех.

– Так что ты делаешь здесь, когда должна лежать под боком у Джека и убажывать его, – пробурчал Жильбер нарочно громко.

Элиза и в этот раз не растерялась.

– Мсье, – произнесла она снисходительно, с женским кокетством, – привилегия дамы в том, что это мужчина убажывает её. И Джек в этом отношении безупречен, – заявила она.

– Верно! – подхватили голоса мужчин. – Ещё ни одна крошка на него не жаловалась. За Джека! За госпожу графиню!

Джек в странном оцепенении продолжал сидеть на кровати. Мысли всё так же растекались. Желая понять поведение

девушки, он пытался детальней вспомнить вчерашнее. Едва ли он вёл себя достойно! И это беспокоило его больше всего.

До вчерашнего вечера самым ужасным было то, что он угрожал Элизе и воспользовался её одурманенным вином состоянием, чтобы овладеть ею. Джек встал с постели. Недовольно наморщил нос. Он него, несомненно, несёт перегаром не меньше, чем вчера вечером вином. Джек закрыл глаза, подавляя отвращение к самому себе. Он помнил, почему вчера напился. И это нисколько не оправдывало его.

Джек поднял с пола что-то белое, оказавшееся рваным женским платьем. «Чёрт бы меня побрал! Зачем я сделал это?! Нет, я не мог! Я же помню!» – сомневался и тут же убеждал себя Джек. Ему вспоминались её объятия и тот долгий взгляд, в котором была одна только любовь и нежность, когда он шептал ей признания. Или всё это лишь его пьяный бред и воображение? Сон?

Джек натянул бриджи. Поднял кинжал, вложил его в найденные ножны. Слегка болевшая царапина говорила о том, что не всё казалось бредом.

Элиза угрожала ему, защищалась, могла даже убить! Могла убить безоружного и спящего утром! Но не сделала этого! И ненависть не могла быть этому причиной! Но Джек не обольщался. Просто Элиза не способна была на убийство.

Но что же должно было случиться, чтобы Элиза превратилась в олицетворение высокомерия? Джек был готов к ярости, обвинениям, упрёкам и ненависти, которой он, вполне

заслуживал. Но женское презрение пугало его. Перед ним он был беспомощен. Что, если он заслужил её презрение, но недостоин её любви?

«Она просто не верит мне! – осознал Джек. – Не верит словам, сказанным спьяну! И тысячу раз права! Я должен сделать так, чтобы она верила мне! Или хотя бы доверяла». Но для этого нужно время и, значит, он должен по-прежнему удерживать девушку.

Проголодавшаяся Элиза с жадностью набросилась на еду. Аромат жареного мяса заставил её почти забыть о манерах, до которых, впрочем, никому не было дела.

Андре позволил себе ненадолго закрыть глаза. Смех и разговоры не смолкали, но никто из мужчин не смел к ней даже приблизиться, а угрюмый Жильбер и вовсе подозрительно замолчал. Де Брийон не знал, чего ожидать от него по отношению к девушке. Молодой мужчина внимательным взглядом обвёл всех присутствующих, спокойно вздохнул. Элиза тоже перевела дыхание, расправившись с едой на тарелке.

Андре придвинул ей кружку сидра.

– Попробуйте, мадмуазель. Я в немногих винах научился разбираться, но с уверенностью могу сказать, что этот сидр достоин того, чтобы вы его оценили, – негромко сказал он.

Элиза охотно сделала несколько глотков. Яблочное вино показалось ей действительно вкусным и выдержанным.

Девушка, казалось, даже не вспоминала о том, что с верх-

него этажа должен спуститься Джек. Лёгкое вино вскружило ей голову и развеселило.

– Эй, Пьер! Расскажи-ка госпоже графине, как ты спьяну и сослепу принял Мориса за твою девку, спавшую с другого бока!

– Ещё бы! Морис у нас красавчик каких поискать, – подтвердил рыжий Пьер, подмигивая всем.

Морис охотно подыграл, кокетливо проводя рукой по волосам. Элиза звонко и заливисто рассмеялась. И даже Андре, залюбовавшись девушкой, не услышал и не заметил, как рядом возник Джек, едва одетый и труднопредсказуемый.

– Весьма рад, что вам весело, мадмуазель, – произнёс он в наступившей тишине.

Его рука тяжело опустилась на резную спинку стула. Джек чуть склонился в поклоне, скорее насмешливым, чем настоящим.

Элиза была уверена, что он заметил и испуг в её взгляде, и дрожь.

– Джек! – сладко пропела она, пытаясь применить вчерашнюю уловку, но не надеясь обмануть. – Как вам спалось, мсье? Мы жаждали вас!

Она изящно повела головой, заглядывая в его глаза, взмахнула ресницами. И протянула руку для поцелуя. Джек взял кончики её пальцев и чуть коснулся губами её руки.

– Вы заняли моё любимое кресло, сударыня, – заметил он, не торопясь выпускать её пальцы. – И хотя оно вас достойно,

мне бы следовало потребовать за это плату!

Он выгнул бровь, и Элиза вдруг сделала то же самое в ответ.

– О да, мадмуазель, и немедленно!

Элиза уже не знала, что ответить ему, но всё же хотела хотя бы возразить. И Джек, скользнув ладонью под её затылок, жадно впился в её приоткрывшиеся губы.

Изумлённая девушка не смогла его остановить. И не сразу осознала, что оказалась в объятиях Джека, крепче сжимает его плечи и отвечает на поцелуй. Оглушённая стуком сердца, она не слышала одобрительного смеха за своей спиной.

– Да вы ненасытны, мадмуазель, – посмотрел он в её туманные глаза с насмешливым изумлением. – И мне это нравится!

– Считаете себя способным удовлетворить эту ненасытность? – опомнилась Элиза, даже не пытаясь вырваться из его объятий.

– Не сомневаюсь. Желаете убедиться? Может, прямо сейчас? – предложил он. – Или даже здесь?

– Предпочту ещё одну бессонную ночь, – честно призналась девушка.

– Это я вам обещаю, – заявил Джек.

И, свалившись в кресло, усадил Элизу себе на колени. Джек не мог отказать себе в необходимости поесть и в удовольствии сделать это в присутствии Элизы.

– Весь день будешь держаться за бабью юбку? – поинте-

ресовался Жильбер.

Джек мгновенно помрачнел. Все притихли, ожидая вспышки гнева. Но атаман к тому времени уже подумывал о необходимости очередной вылазки.

Но только не ради наживы, как несомненно подразумевал Жильбер. И вряд ли кто-то из мужчин был бы рад наткнуться на полицейских ищеек. Но узнать, что творится в окрестностях в связи с исчезновением девушки, было очевидной необходимостью.

– А ты всё никак не отлипнешь от бутылки?

Джек помолчал, ожидая реакции Жильбера или поддержки остальных.

– Выезжаем! – скомандовал атаман. – Морис и Пьер остаются на карауле, остальные седлайте коней!

Джек решительно отстранил от себя девушку. Отшатнувшаяся от его взгляда, она ощутила себя в чьих-то руках. Чуть обернувшись, она узнала Андре. Это заставило её испугаться не столько за себя, сколько за молодого человека.

Она стиснула зубы, вскинула подбородок и посмотрела на атамана. Насладившись всеми эмоциями, отразившимися на её лице от решимости до беспомощности, Джек перевёл взгляд на Андре. Сон мелькнул болезненным воспоминанием.

Атаман изогнул губы в усмешке.

– Вы поедете с нами, мсье де Брийон. Нам сегодня могут понадобиться ваши манеры, – заявил он небрежно и беспре-

КОСЛОВНО.

– Но Джек! – осмелился возразить Андре, чуть кивая на девушку.

– Госпожа графиня сможет позаботиться о себе сама, пока тебя не будет, – заявил Джек. – Для тебя есть важное задание, – слукавил он, ещё не вполне представляя себе это поручение.

Андре рассудил, что ему снова придётся быть приманкой, и нехотя подчинился. Ему казалось, что он понимал чувства Джека, но одобрить его поведение он не мог.

От стыда ему хотелось провалиться сквозь землю.

– Прошу прощения, мадмуазель, – проговорил он, не глядя на неё, – я должен идти.

Элиза сдержалась, чтобы не посмотреть вслед молодому человеку. И наградила Джека взглядом полным неподдельной ненависти.

– Мне ступать наверх, чтобы вы могли запереть меня? – поинтересовалась она.

– Отнюдь, мадмуазель, – повёл он головой. – Я вам доверяю. Да вам и не сбежать отсюда.

– А как же моя безопасность, которую вы мне обещали? – продолжала она. – Оставьте меня наедине с этими двумя? – кивнула она на рыжего бородача и красавчика брюнета. – Мне нужна защита мсье де Брийона.

– Вчера я убедился, что вы неплохо защищаетесь, – напомнил он. – Обещаю, я не задержусь.

Элиза не поверила. Хотя бы потому, что могло случиться непредвиденное.

– Присаживайтесь, госпожа графиня, – указал он на кресло.

Но Элиза упрямо осталась стоять. Атаман усмехнулся и поднялся наверх одеться. Девушка оперлась ладонью о стол, чтобы удержаться на ногах. Зал пустел.

Минуты покоя показались Элизе блаженством. Пока не послышались шаги.

– Госпожа графиня, – негромко позвал он и подошёл к ней. – Ваш трофей, – сказал он, протягивая ей кинжал в ножнах.

Элиза была удивлена, но не стала отказываться. Джек сам повязал тонкий ремешок, на котором висели ножны, вокруг талии растерянной девушки.

Неужели Джек проявляет заботу о ней? Не спрашивая, насовсем ли он отдаёт ей кинжал или только до его возвращения, Элиза не смела уже взглянуть на мужчину рядом с собой. Джек поднял её подбородок, но Элиза опустила глаза.

– Не желаете ли взглянуть на меня, сударыня? – спросил он тихо и хрипло.

– Если скажете зачем, – уступила девушка.

– Чтобы я мог заглянуть в ваши глаза, – признался Джек.

Элизе удалось вложить в этот взгляд холод и безразличие. Она выгнула бровь.

– Довольны? – поинтересовалась она.

Джек вздохнул, искренне огорчённый.

– Вполне, мадмуазель.

И стремительно зашагал к двери. Холодный ветер ударил в его разгорячённое лицо. Хотелось закричать от пронзающей, разрушающей боли, ударить первого попавшегося под руку. Им оказался Серж.

– Где Рейвен?! – взревел атаман.

– Он не даёт седлать себя, – развёл руками Серж.

Джек сдвинул брови и поспешил на конюшню. До него донеслось конское ржание. Рейв вставал на дыбы, бил копытом, тряс головой, но при виде хозяина успокоился и жалобно заржал. Джек погладил его по морде, прижался лбом.

– Ну что ты, дружище! Не ты один ревнуешь и страдаешь. Обещаю, мы найдём тебе подружку. И можем отправиться искать её прямо сейчас.

Рейвен фыркнул.

– Вот и договорились, – улыбнулся Джек.

И вскоре всадники во главе с атаманом выехали из форта. Андре пытался держаться ближе к Джеку. Но каждый раз, когда он решался заговорить, слова в одно мгновение улетывались из его головы, и Андре отступался. Ревность оправдывала грубость Джека, но Андре не понимал её причин.

И обида всё равно терзала де Брийона, мешая ему простить своего друга. Ему бы хотелось сказать, что девушка ему безразлична и ничего для него не значит, но Джек почувствовала бы фальшь. Андре осознавал, что очарован де-

вушкой не меньше, чем Джек.

И понимал, что к добру это не приведёт.

– Джек? – попытался он заговорить.

Но тот смерил его взглядом, не допуская сомнений в его нежелании говорить. Джек думал об Элизе, она одна занимала его мысли. И Джек пытался разобраться в себе и своих чувствах вдали от девушки, лишавшей его возможности мыслить здраво.

Он не может уже представить своей жизни без Элизы, а значит, не может позволить себе потерять её. Не зная, как повести себя с девушкой по возвращении, Джек мрачнел с каждой минутой.

Но Рейвен тихо заржал и повёл головой в сторону, словно почуяв что-то. Доверяя животному чутью, Джек пустил жеребца в карьер.

Встречный ветер и чувство погони заставили его на время забыть об Элизе.

Элиза словно заколдованная не сводила взгляда с закрывшейся за Джеком двери. Сдвинуться с места тоже не получалось.

– Мадмуазель Элиза? – тихонько позвал её Жан, не смея дотронуться даже до её платья. – Желаете чего-нибудь?

– Да, – откликнулась девушка, – сбежать отсюда.

– Тут я вам не помощник, – буркнул Жан.

Элиза и не собиралась пока впутывать в это мальчика. Ей

стало душно. И захотелось спрятаться в комнате. Она открыла ставни, впуская прохладный осенний воздух. Порыв ветра тут же с силой ударил в лицо, вызывая слёзы.

Элизу мучила совесть за притворство, на которое ей пришлось пойти. Она лгала, говоря Джеку, что ненавидит его и презирает. И она совсем не чувствовала к нему отвращения. На самом деле её до странности влекло к Джеку, и именно это пугало девушку. Она боялась того чувства, которое уже зародилось в ней и становилось сильнее её самой. И пока ещё была возможность противиться этому чувству, Элизе хотелось спрятать его глубоко в душе и не выпускать наружу, чтобы Джек не смог даже догадаться.

Какой же она должна стать, или хотя бы казаться, чтобы оттолкнуть от себя Джека? Едва ли ему нужна любовь высокомерной светской гордячки, какой она пыталась быть утром. Может, тогда он отпустит её за выкуп?

Мысль о побеге Элиза не оставляла, но это казалось безрассудством. На какое-то время побег и возвращение домой показались ей страшнее пребывания здесь. Или это расставание с Джеком так волнует? Она не хотела верить, что снова ждёт благополучного возвращения Джека. Только взгляд её так же скользил по пасмурному небу, верхушкам елей и закрытым воротам, которые распахнутся, чтобы впустить обратно атамана и его шайку разбойников. Досадуя на себя, Элиза захлопнула ставень.

Просторная комната по-прежнему казалась ей клеткой.

Элиза усмехнулась. Если даже Джек не стал запира́ть её, то она сама тем более не станет сидеть взаперти! Элиза от души хлопнула дверью и стала величественно спускаться по лестнице.

Присутствие двух мужчин не испугало её. Они играли в кости и не слишком обращали внимания на девушку, пока та не приблизилась к двери.

– Куда собралась, крошка? – пробасил рыжий.

Элиза фыркнула, пожав плечами, и вернулась к очагу. Жан убирал со стола, мыл деревянную и глиняную посуду в чане.

– Тебе помочь? – спросила Элиза.

– Справлюсь, – буркнул парнишка.

– Красотка! – окликнул её бородач.

Элиза удостоила его взглядом.

– Мы тут поспорили, умеешь ли ты готовить, – продолжил Морис. – Ставлю на то, что у тебя всё-таки получится сготовить что-то съедобное!

– И много ставишь? – полюбопытствовала она, симпатизируя брюнету гораздо больше, чем рыжеволосому бородачу.

– Монету, – охотно ответил молодой человек.

– Ставь две! Жан! Поможешь?

– Не сомневайтесь! – откликнулся он, тут же забыв свою обиду.

Элизе действительно захотелось что-то приготовить. Но не потому, что так поспорили двое разбойников из шайки.

Ей хотелось, чтобы Джек смог по возвращении оценить её старания. Она изучала содержимое полок в кладовой в поисках того, что могло бы пригодиться. Изобилие припасов, приправ и пряностей поразило её. Мысль о том, что всё это украдено или куплено на ворованные деньги, она пыталась гнать прочь.

Жан с изумлением и восхищением смотрел на девушку. Обеденный зал стал наполняться ароматами готовящейся еды, и Морис одобрительно прищёлкнул пальцами, предвкусывая не только выигрыш, но и отменный ужин.

Увлечённая готовкой Элиза почти не замечала присутствия мужчин, а те и не мешали девушке. Но, покончив со всем, вновь ощутила на себе их взгляды.

Желая занять себя ещё чем-нибудь, она спросила у Жана, чем можно отскоблить стол от накапавшего со свеч воска. И вооружившись затупившимся старым ножом, не жалея сил увлечённо принялась за дело. Не боясь сидевших на лавке мужчин, она приблизилась к ним. Один из них окликнул другого по имени, но Элиза не обратила на это внимания, пока рядом с ней не возвысилась мужская громадная фигура.

– Пьер! – ещё раз окликнул бородача брюнет.

Склонившаяся над столом Элиза едва успела отскочить, как кошка. Её рука с ножом взметнулась вверх. Рыжий Пьер скосил глаза на затуплённый кончик ножа у него перед носом.

– Какая храбрая пташка...

– Пошёл вон, рыжая свинья! – взвизгнула она от отвращения и страха. – Или я всё расскажу Джеку! Обязательно расскажу! – пригрозила она, понимая, что кроме кинжала это единственная её защита.

– Дрянь болтливая! – зашатался охмелевший Пьер. – Да я...

Элиза благоразумно отступила назад и ухватилась за рукоять кинжала. Помощи и защиты от брюнета она не ждала, а Жан был всего лишь мальчишкой, чтобы сладить с громиллой Пьером.

– Ты что, оглох? Не слышал приказ госпожи графини? – толкнул верзилу брюнет. – Ступай, освежись!

Элиза поневоле испытала благодарность к молодому мужчине. Но так и не выпустила из руки кухонный нож, когда брюнет вернулся в дом.

– Вам тоже что-то нужно от меня? – ледяным тоном поинтересовалась Элиза.

– Простите моего друга, сударыня.

– Хотите, чтобы я ничего не говорила Джеку? – уточнила девушка.

– Как пожелаете. Вы не думайте, я бы не дал вас в обиду.

– Если не скажете вы, мадмуазель, то скажу я! – заявил Жан. – Пьер нарушил приказ Джека! Ведь нарушил же!

– Какой приказ? – осведомилась девушка.

– Охранять вас, но не причинять вреда.

Элиза поняливо кивнула.

– Спасибо вам, Морис, – искренне поблагодарила она.

– Ваш слуга, госпожа графиня, – вежливо ответил он ей.

Девушка сдержанно улыбнулась. Ей не помешало бы познакомиться и с Морисом.

– Я не побеспокою вас, – заверил её молодой человек.

Элиза тут же подумала, что вовсе не против присутствия его в зале. Но когда за Морисом захлопнулась дверь, девушка решила воспользоваться этим, чтобы поговорить с Жаном. Тот сам подскочил к ней и заговорил.

– Вы такая храбрая, мадмуазель Элиза!

– Храбрая? – усмехнулась девушка.

– Ну да! Я, конечно, тоже не боюсь Пьера, но ведь вы-то всего лишь...

– Что? Всего лишь женщина? Слабая и беззащитная? – догадалась девушка.

– Ну да, – смутился Жан. – То есть, может, вы и слабая, но не беззащитная!

Элиза слабо усмехнулась и постаралась перевести разговор в нужное ей русло. Она улыбнулась мальчику.

– Приготовишь мне что-нибудь на завтрак? – склонила она голову набок.

– А что вы желаете? – воодушевился мальчик.

– А давай посмотрим, что там осталось? – подмигнула девушка. – И откуда у вас столько припасов?

– Ну, когда появляется необходимость, кто-нибудь едет за ними в ближайшую деревню.

– Это далеко? – быстро спросила Элиза.

– Не знаю, – пожал плечами мальчик. – С тех пор, как я попал к Джеку, я редко выбирался отсюда. Да мне и некуда идти. А с Джеком мне нравится. А вам? – бесхитростно спросил он.

Элиза покраснела и не смогла ответить, чуть кивая молча головой.

– А вы очень богаты, мадмуазель? – продолжал тараторить мальчик.

– Богата не я, а мой отец. Он граф де Бомон де Фонтэнэ. И я уверена, он не пожалеет денег, чтобы заплатить выкуп.

– А Джек ничего не говорил о выкупе, – простодушно заметил Жан. – Он всем заявил, что вы его невеста и будущая жена.

– Джек так сказал? – изумилась и не поверила Элиза.

Не глядя на парнишку, она вышла из кладовой. От волнения она задыхалась. И ей было уже не до продолжения разговора.

– А вы не знали, мадмуазель? – следовал за ней Жан. – Вы разве не рады?

У Элизы как будто перестало биться сердце. Горло сдавило, и стало невозможно дышать. Элиза метнулась к двери. Она глотнула свежего воздуха и пришла в себя.

Да не смеялся ли он, объявляя своей невестой? Неужели он силой потащит её к алтарю? И навсегда запрет в этом доме.

– Вам лучше бы вернуться в дом, сударыня, – мягко сказал подошедший Морис.

– Там душно! – нервно возразила девушка. – Мне нужен свежий воздух.

– Так холодно же! Не простудились бы вы!

Успокоившуюся Элизу тронула такая забота. Она вдохнула холодящий лёгкий воздух, поёжилась, обхватывая себя руками. И посмотрела вдаль поверх деревьев.

– Скоро ли вернётся Джек?

– Да кто ж знает? Это ж такое дело...

Но ветер донёс ещё издали заливистый свист и другого ответа ей не понадобилось. Она метнулась в дом и взлетела вверх по лестнице.

Глава 8

Морис встречал вернувшихся с добычей мужчин. Они наперебой хвалились богатым уловом золотых луидоров. Морис не завидовал тому торговцу, который лишился своего богатства. Он живо представил себе испуганного толстяка, который трясся над своими деньгами. Ришар в красках расписывал, как Андре выскочил из леса, притворяясь, что за ним гонятся разбойники, а они в это время нападали с другой стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.